

Александра
Рау

ПРЕДАНИЕ
О ЛИСЬИХ
СЛЕДАХ

Александра Рау
Предание о лисьих следах
Серия «Предание о
лисьих следах», книга 1
Серия «Словотворцы.
Ковен магических миров»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69379300
Рау, Александра. Предание о лисьих следах: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-155622-8

Аннотация

Эльфийский народ раскололся много веков назад: обитатели лесов заключили с людьми мир, но жители гор не смогли им довериться. С тех пор ни один человек не бывал на заснеженных вершинах.

Териат – юный лесной эльф, живущий размеренной жизнью и прячущийся в тени славы отца, – тоже обещал себе не связываться с людьми. Но все меняет случайное знакомство с принцессой близлежащего королевства, обретение магической силы и зреющий за стенами Грей заговор: Териату предстоит пробраться в обитель королей и притвориться тем, кем он никогда не являлся, чтобы спасти свой народ.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	38
Глава 4	68
Глава 5	73
Глава 6	87
Глава 7	93
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Рау Александра

Предание о лисьих следах

© Александра Рау, 2023

© Жильникова Дарья (бильвизз), иллюстрация на обложке, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Пролог

Звнящая тишина заполнила зал. Люди с портретов на стенах безмолвно, но сочувствующе смотрели на сидящего в нервном ожидании короля. Его руки беспокойно блуждали по камзолу, а ноги торопливо выбивали ритмы на каменном полу. Он резко вскидывал голову, прогоняя упавшие на лицо волосы, и словно находил лишний повод взглянуть на дверной проем, в котором в любой момент могла появиться повитуха.

Стоящий за спиной короля маг положил руку на его подрагивающее плечо.

– Ваше величество, я видел вашу дочь. – Его голос отскакивал от одной стены к другой, пока не заполнил гулким эхом все помещение. – Она мала, но сильна. У нее ваш характер.

Король нетерпеливо повел плечом и поднял красные от отсутствия сна глаза.

– И ее лицо.

Король вскочил с места и ринулся в коридор. Ждать дольше он был не в силах, а душа и разум более ему не принадлежали – маленькое существо, выросшее под сердцем его любимой, забрало у него все имевшиеся на них права. Коридор казался бесконечным и пустым, несмотря на удвоенную стражу и снующих повсюду слуг. От волнения король едва

стоял на ногах. Великий полководец и воин, находясь в ожидании чуда рождения дитя, с трудом помнил план собственного замка и не знал, в верном ли направлении шел. Добравшись до толстой, закрытой на засов деревянной двери, он занес руку, чтобы постучать. Воздух прорезал пронзительный крик.

Крик новорожденного.

Король чуть не разнес дверь в щепки. Она со скрипом распахнулась, обдав лицо новоиспеченного отца паром и запахом крови, от которого пустой желудок свернулся в напряженный комок. Все присутствующие обратили взгляды к настойчивому гостю. Все, кроме нее. Белокурая девушка лежала на кушетке с закрытыми глазами, едва дыша, вся покрасневшая от потуг. Королю пришлось силой прокладывать себе путь – десяток повитух упрямо просили его подождать.

– Любимая, – прошептал он, расцеловывая ее лицо. – Дорогая, ты смогла! У нас...

Он замялся.

– Девочка, – без эмоций подтвердила повитуха.

– У нас девочка, слышишь?

Измученное лицо тронула легкая улыбка, но слабость ее была столь сильна, что посмотреть на дитя она так и не смогла.

– Люби... – еле слышно шепнула она. – Люби ее.

Король был полон любви; он предвкушал ее, но даже не осознавал ее истинных размеров. Был готов кричать о ней

каждому прохожему, петь каждому путнику, рассказывать каждой звезде на ночном небе. Однако не успел он произнести и слова, как девушка, только что, казалось, поборовшая бессилие, обмякла. Ее рука, мгновение назад крепко сжимавшая большой палец короля, ослабла.

Обезумевший, король оглядывал замерших слуг и стражу. Лишь одна из повитух осмелилась сойти с места: она поднесла к королю умытого ребенка и предложила взять его на руки. Ярко-синие глаза распахнулись, стоило королю прикоснуться к драгоценному свертку, и изучающе уставились на отца. Так, разглядывая маленькое личико, он дошел до своих покоев, несколько раз чуть не столкнувшись с обитателями замка. Спустя час в дверь постучали – маг, недавно поддерживавший правителя в тронном зале, осторожно заглянул в его покои.

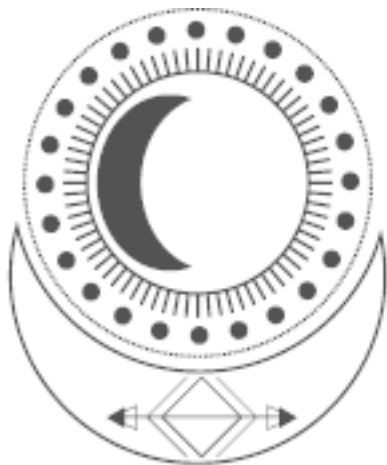
– Ваше величество, – прошептал он, опасаясь разбудить дитя. – Всадник уже ждет. В какие земли и с какой вестью ему следует отправиться?

– Отправьте гонца к тем, кто ее вырастил, – ровным тоном произнес он, а потом, поняв, что выразился недостаточно точно, исправился: – К ее родителям. Скажите, что ее больше нет. И отошлите их подальше.

Глава 1

В ту ночь я никак не мог дотянуться до рассвета.

Ночные дежурства у лесных границ с самым живописным видом на людское королевство быстро вплелись в повседневность, но их однообразность оказалась крайне утомительной. Ярких событий и потрясений я избегал сознательно – отсиживаться в тени славы выдающегося отца было одновременно просто и невыносимо, – но годы шли, а я не чувствовал, что жизнь во мне кипит и искрится. Лишь проходит мимо.

Впрочем, Аррум был прекрасным местом, чтобы просто существовать.

Бесконечная зелень деревьев окутывала душу теплом, словно сама Мать Природа брала тебя под свое крыло; каждый миг казался столь ценным, что мысли о бесполезности прошедшего дня улетучивались еще до того, как успевали зародиться. Лес скрывал от глаз чужаков самое важное – Дворец Жизни, – и каждый эльф в его границах знал, что Богиня стоит на его защите.

– Териат!

Я обернулся, хоть в этом и не было необходимости: каждую интонацию, на какую был способен этот голос, я знал наизусть. Индис пробирался через кусты, как всегда пренебрегая протоптанными дорожками, и высказывал недовольство каждой ветке, посмевавшейся бесцеремонно зацепиться за его драгоценные одежды.

– Спишь, дурень?

– С тобой уснешь, – проворчал я. – Ты что, сбежал со своего поста?

– Не сбежал, а подменился, – оскорбился он.

– Когда-нибудь Бэтиель плюнет на все и застрелит тебя, вот увидишь.

Индис пожал плечами, даже не рассматривая вероятность такого развития событий. Усевшись на упавшее дерево, служившее местным постовым единственным подобием мебели, он достал из кармана жилета россыпь красных ягод. Половина даров природы не пережила путешествия. Эльф поспешил закинуть их в рот, но стекавший меж пальцев сок тут

же окрасил его жилет похожими на кровь пятнами.

– Кнорд, – тихо выругался он.

Я усмехнулся, но шутить над другом не стал; знал, что вызову этим лишь поток сетований о предстоящей стирке и полном отсутствии в моем сердце сострадания. Индис не отличался серьезностью, что, впрочем, не мешало обществу многого от него ожидать, а ему – без зазрений совести не оправдывать этих ожиданий.

Я устремил взгляд за границы леса. Городские стены Греи отделялись от острова зелени пустынным трактом, поросшим низкой травой, отчего каменные возвышения выглядели еще величественнее. В окне на вершине башни Восхода, словно в ответ на мой интерес, вспыхнул факел. Пламя было неподвижным и потому в окружении тьмы напоминало яркий зрачок на фоне темной радужки; я поежился, представляя, какому страшному зверю мог бы принадлежать подобный взгляд. Индис ткнул меня в плечо, привлекая внимание.

– Сегодня пришлось снова сидеть на совете... – пожаловался он, встряхнув облако упавших на лицо рыжих кудрей. – Неудивительно, что в Арруме такая скукота! Двадцать членов совета, и все – старше четырех сотен лет. Нужен кто-то молодой, кто напомнит им, что жизнь может быть совсем иной.

– Если проявишь инициативу, твоя мать будет счастлива.

– Нет-нет-нет, – тут же запротестовал эльф. – Я – никогда.

Но ведь мечтать не вредно?

Я предложил рассказать друг другу о самых смелых мечтах, когда-либо посещавших наши умы, и до самого рассвета не произнес ни слова. Индис рассуждал, что будет, если бабочки станут размером с птиц, а птицы придут на замену лошадям, и мы сможем пролетать над океанами за считанные часы вместо того, чтобы неделями бороздить волны бескрайних вод. Затем он вспомнил о никудышной прочности ягодной оболочки и долго рассуждал, какая толщина шкурки позволила бы без опасений складывать плоды друг на друга и в то же время не прикладывать усилий для ее раскусывания.

Энергия, ключом бившая из самых недр его души, казалась неиссякаемой. В какой-то момент по пути домой я перестал различать в его трели отдельные слова, воспринимая ее скорее как колыбельную, сопровождающую меня до постели. Как только голова коснулась подушки, а дерево кровати приветственно скрипнуло, голос затих, теряясь в водовороте туманных, запутанных снов.

В тот день матери чудом удалось спасти меня от повышенного внимания со стороны сестер. Проснувшись, я даже не обнаружил следов их пребывания в моей комнате: обычно оно выражалось в передвинутых вещах и разбросанных повсюду стрелах. Оружие привлекало их, и это насторожило бы меня, не будь они слишком малы даже для того, чтобы держать в руках лук.

Отец считал, что лучшим оружием является слово, и потому всегда тщательно прятал имеющееся у него снаряже-

ние. Я нашел его лук лишь однажды. Напугавшись, что он не даст как следует рассмотреть его, я сбежал, даже не подумав взять с собой стрелы. Каждый раз, когда я, маленький и беспомощный, рыдал из-за невозможности отправиться на охоту с Индисом – будучи старше, он взял в руки оружие куда раньше меня, чем не переставал хвастаться, – отец снисходительно гладил меня по голове и повторял одну лишь фразу: «Твое время придет». К 15 годам учителя при Дворце Жизни действительно начали обучать меня и моих сверстников стрельбе, и я был крайне разочарован, когда ореол таинственности и запретности оказался разрушен.

Натягивать тетиву и отправлять стрелы в полет, тем не менее, оказалось мне по нраву. Долгие годы это было единственным занятием, за которым я мог спрятаться от детской скуки, а затем – от тоски, что душила меня после смерти отца. Сама возможность убийства кого-то за пределами охотничьих вылазок пугала до дрожи в коленях, однако многочисленные истории на страницах летописей упорно пытались убедить меня в неправильности этих чувств. В масштабах веков и тысячелетий жизнь ничего не значит. Смерть – вот что заставляет историю избирать самые петляющие тропы.

Путь до Дворца Жизни был усеян мириадами светлячков. Величественное сооружение, возведенное из подаренного горными эльфами камня, едва не доставало до облаков; многочисленные башни с остроконечными крышами казались лестницами в небеса, а выглядывающие с верхних балконов лица служили напоминанием о том, кто из нас находился к богам чуть ближе, чем другие.

Перекинутые через ущелье мосты соединяли дворец с цветущей поляной, на которой мы расположились, удобно устроившись в тени раскидистого дуба и вдыхая запах примятой травы.

– Индис...

Бэтиель долго решалась произнести хоть слово, потому ее тонкие брови уже несколько минут безуспешно пытались дотянуться друг до друга, делая лицо по-детски серьезным. Индис повернулся на звук ее голоса, ожидая, пока та закончит фразу.

– Если бы сегодня был последний день твоей жизни, что бы ты сделал?

– Напился бы вусмерть и рассказал всем, что я о них думаю, – в следующее же мгновение ответил он. – Без прикрас.

– А я бы призналась кое-кому в любви, – вздохнула эльфийка. – Это освободило бы мою душу от оков.

Бывшие очевидными чувства девушки не нуждались в словесном выражении; мы с Индисом даже имели наглость подшучивать над ними, но лишь между собой, в обществе делая вид, что тайна по-прежнему принадлежит лишь ее обладательнице. Я лежал на бедре Бэт, устремив взгляд в проглядывающее между ветками небо, и, ощутив – хоть и не физическое – неудобство, заерзал.

– А ты, Тер?

– Не знаю, – честно ответил я. – Пожалуй, предпочел бы не знать, что он последний.

– Глупо, – отрезала Бэт.

– Зато естественно. Богиня не посылает предупреждений.

Вопреки ожиданиям, Индиса эта фраза задела куда сильнее, чем Бэтиель. Он фыркнул с такой силой, что дерево, к которому он прижимался спиной, содрогнулось. Громкого звука испугалась и Бэт, из-за чего пейзаж, открывавшийся моему взору, пошатнулся.

– Неужели тебе не хочется сделать что-то... эдакое? – возмутился эльф.

Я повернул голову направо, окидывая взглядом обитель азаани. Струящиеся с нижних башен водопады лились непрерывным потоком, наполняя реку в ущелье, чтобы затем вновь подняться и спуститься по стенам дворца; в сумерках воды казались почти черными, а мой слух настолько привык

к их плеску, что и вовсе не замечал.

– Взгляните на Дворец Жизни, – призвал я. – Он стоит здесь уже... сколько? Тысячи лет? Водопады должны были сточить его стены, превратив в невзрачный камешек, почему-то оказавшийся посреди леса, но с ним ничего не происходит. Он вечен, но скучен, потому что не претерпевает изменений. Такова и моя жизнь.

– Не согласен, – возразил Индис. – Внешние изменения значимы лишь для дураков. То, что происходит за стенами дворца, больше похоже на бурное течение реки. Меняются правители, а следом меняются правила и настроения в обществе. Снаружи река – всегда река, но дважды войти в одни воды невозможно.

– Выходит, я – дурак.

– Нет, – самодовольно протянул эльф. – Дурень.

В последние месяцы Индис упорно избегал моего имени, предпочитая ему это прозвище; к его глубочайшему разочарованию, я не считал новообретенный титул обидным.

Бэтиель задумчиво молчала, будто старательно прислушиваясь к шелесту листьев. Поначалу я не обратил на это внимания, но чуть позже поймал себя на том же; едва ощутимое напряжение витало в воздухе, заставляя сосредоточиться. Даже деревья, казалось, напряглись, прекратив заигрывания с ветром.

Со стороны дворца разнеслась призывная трель. Птицы пели непривычно низко и громко, так, что их голос доби-

рался до каждого, кто находился в нашей скромной обители; я слышал такое лишь трижды в жизни. Азаани – таков титул королевы эльфов – созывала народ на всеобщий совет.

По счастливой случайности находясь в месте собрания, мы молча – хоть и встревоженно – наблюдали, как на поляну стекаются эльфы из самых разных уголков леса. Собратья прибывали частями, и каждая волна верных последователей азаани едва не захлестывала нас с головой. Индис бросил на меня многозначительный взгляд, рукой указывая наверх. Уже через пару мгновений мы были на высоте с два своих роста, и вековой дуб любезно поддерживал нас крепкими, надежными ветвями. Выбирая точку с наилучшим обзором, я забрался чуть выше друга, но тот тут же отреагировал, заняв место над моей головой. Индис все превращал в детскую забаву. Его неустанное желание обратить любое действие в шутку соседствовало с таким же упорным желанием выиграть, и этот контраст делал влияние общественного мнения на него особенно заметным.

Бэт бросила на нас осуждающий взгляд и насупилась, сложив руки на груди.

Дети леса вели себя по-разному. Кто-то был искренне напуган самим наличием новостей такого масштаба, что для этого созвали весь народ, кто-то – столь же воодушевлен подвижками во внешнем мире. Жизнь в Арруме была размеренной и приторно-сладкой, но немногие из нас покидали его даже ради визита в столь близкую к лесу Грею; хоть, в

отличие от горных эльфов, мы и сотрудничали с людьми, тихая жизнь среднестатистического эльфа была болотом – комфортным и теплым, пусть и дурно пахнущим.

Пришедших на зов эльфов было столько, что я засомневался, верны ли мои знания о родных землях. Сверху толпа выглядела как россыпь рыжих и русых пятен, будто бы некачественно окрашенная шерсть убитого зверя, и голоса их гулом стояли в ушах.

– А откуда...

Индис наклонился, чтобы задать вопрос, но толпа внезапно замолкла. Несколько смущенный, он последовал их примеру. Все взоры обратились к главной башне дворца – единственной, что не имела своего водопада, – и даже дыхание тысяч эльфов будто бы затихло.

– Приветствую, дети мои, – прозвучал теплый, как объятия матери, голос. – Благодарю, что пришли на мой зов.

На верхнем балконе возникла воздушная фигура азаани, озарившей поляну добродушной улыбкой. Казалось, сам лес помогает ее словам дойти до адресатов; они будто передавались от листа к листу, от дерева к дереву, постепенно добираясь до каждой пары заостренных ушей.

– Прошу прощения, что созвала вас так внезапно. Спешу заверить, что ничего непоправимого не произошло.

По толпе прокатился полный облегчения – и почему-то разочарования – выдох.

– Однако очень скоро может произойти, – поспешила до-

бавить королева. Богиня одарила эльфов великолепным зрением, и благодаря ему я разглядел на лице азаани растерянное недоумение. — Наши друзья из леса в окрестностях Эдронема прибыли, чтобы сообщить о неразумном поведении со стороны дружественного нам государства. Альбреад, прошу.

Из тени, что скрывала от любопытных взглядов заднюю часть балкона, вышел невысокий, крепкий мужчина средних лет. Я бы не посчитал его эльфом, даже убедившись в заостренности ушей, но во мне, вероятно, говорила нехватка знаний о мире; я никогда не бывал в других эльфийских лесах и уж тем более в горах, где жила более изящная, если верить писаниям, и строгая часть нашего народа.

— Грея возжелала расширить свои границы, но зашла чересчур далеко, — прогремел низкий голос. Все, от короткой прически до темно-серого одеяния, выдавало в нем северянина. — Как и вы, мы находимся в тесном сотрудничестве с людьми и являемся основной преградой для подхода к их государству. Есть три пути в Эдронем, но в горы люди не пойдут и под страхом смерти, а значит, остается два: по воде и через лес. Грея отправила скромное войско, чтобы разузнать, насколько сложно пройти второй дорогой.

В толпе зашептались, и мой взгляд наконец зацепился за группу эльфов, стоящую ближе всего к ущелью: на каждом из них был серый плащ, подобный одеянию Альбреада, но ни у кого не было такого же расшитого золотом капюшона.

Значит, он – наместник азаани.

Индис начал постепенно сползать вниз, сначала поравнявшись со мной, а затем и вовсе опустившись на землю. Я не планировал поступать так же, но не удержался, когда друг изо всех сил дернул меня за ботинок. Едва не свалившись на голову Бэтиель, я чудом сумел приземлиться на ноги.

– Мы прогнали неудачливых захватчиков, но все же потеряли несколько братьев и сестер, – с горечью продолжал Альбреад. – Грея прислушивается к вам, но не советуется, потому мы пришли в Аррум. С предупреждением. И за советом.

– Я призывала придворного друида присоединиться ко вчерашнему совету или сегодняшнему собранию, – объявила азаани во всеуслышание. – Но, к сожалению, ситуация в королевстве не позволила госпоже Лианне покинуть его, не солгав королю, а подобное она категорически не приветствует. Впрочем, она ответила мне письмом, в котором всячески отрицает причастность Грей к произошедшему и просит не искать честолюбивые мотивы там, где их нет.

Боковым зрением я видел, как быстро потухла надежда на лице Бэтиель. Я знал, каково это, когда один из родителей – смешанной крови, каково это, когда он пропадает при дворе короля, позабыв о семье, но... впрочем, человеческой крови в Лианне столько же, сколько и эльфийской, и потому она могла одинаково свободно жить с каждым из народов. Я лишь жалел, что она делала вид, будто никогда не имела

дочери.

– Эвеард с каждым годом становится все более жадным и жестоким, – отрезал наместник. – Слухи о его нападениях на мелкие, далекие от дворцов деревни уже давно гуляют меж лесов. Никто не вступает за отдаленные территории, боясь покидать окруженные высокой стеной города, но это лишь развязывает Эвеарду руки. Необходимо остановить его или, если это невозможно, хотя бы разузнать его мотивы.

Я оглядывался, пытаюсь понять настроение толпы, но не увидел в лицах братьев и сестер ничего, чего не испытывал бы сам. Подобные вопросы, требующие стратегической оценки и соответствующих действий, нельзя отдавать на суд испуганной толпе, иначе стены Греи падут прежде, чем совет соберется за круглым столом.

Словно прочитав мои мысли, азаани тихо поблагодарила Альбреада, и тот вновь исчез в тени балкона.

– Мы ставим вас в известность, ибо сокрытие подобных вещей может привести к страшным последствиям, – объяснила она. – Будьте аккуратны и в ближайшее время не посещайте Грею без острой необходимости. Вы свободны, дети мои.

Облокотившись на древесный ствол, я задумался, а потому не сразу заметил, что народ стал расходиться. Из тумана мыслей я выбрался лишь тогда, когда поляна наполовину опустела; да и то лишь потому, что кто-то дернул меня за рукав рубашки.

– Аарон, – прошептал кто-то.

Я резко обернулся; странное слово прозвучало совсем рядом, настолько, что ухо обдало жаром чужого дыхания. Рука невольно потянулась к луку, которого даже не было за моей спиной, но затем взгляд встретился с тремя очаровательными личиками, которые смотрели на меня, сильно задрожав головы и нахмурившись. Я невольно улыбнулся, не в силах сдерживать эмоции, что били через край при виде сестер, и совершенно позабыл о незнакомом голосе. Спустя несколько мгновений за их спинами выросла тень матери.

– Они очень старались, – протянула она. – Но детскому терпению быстро приходит конец.

Глава 2

Девочки довели меня до дома за руку, чтобы исключить возможность побега, и усадили прямо на землю рядом с цветником, раскинувшимся под нашими окнами. Мать увлеченно разглядывала растения, что я считал сорняками, и бережно собирала их в небольшие букеты, подвязывая тонкими лентами. Я знал, что следом она подвесит их к потолку, и я – как всегда, не заметив, – обязательно собью несколько головой.

Матушка разбиралась в травах, и порой, вернувшись домой, я заставлял какую-нибудь несчастную женщину, плачущую на ее плече в мольбах о помощи захворавшему ребенку. Несмотря на славу мастера в своем деле, мама не спе-

шила становиться лекарем; лучшие умы приглашали ее впитать их безграничные знания так же часто, как других зовут на прогулку, но раз за разом она отвечала им одним и тем же – категоричным отказом. Упрямство в неподдающихся объяснению поступках, к ее сожалению, в полной мере передалось первенцу, вследствие чего между нами часто возникали недомолвки и разногласия. Впрочем, три светящихся юных существа непременно находили способ нас примирить.

Талани – самая старшая из них и, стоило заметить, чересчур сообразительная для двенадцати лет, – сосредоточенно плела косы из моих волос, в то время как близняшки Шаэль и Файлин демонстрировали мне венки, плетением которых были заняты во время всеобщего собрания.

– Помню, папа постоянно приносил нам венки, – грустно прошептала Талани. – У него был талант.

– Это у нас от него, да!

Мы с мамой ошарашенно переглянулись, но более ничем не выдали своего удивления. Сестры едва ли не впервые заговорили о нем. Когда отца не стало, Талани только исполнилось четыре, и я искренне полагал, что в ее сознании не осталось и крупицы его образа; к тому же я не мог и подумать, что она в красках делилась с близняшками воспоминаниями о нем. Сердце на мгновение сдавила печаль, но звонкий хохот тут же выдернул меня из мыслей.

– Расскажешь им историю? – вдруг попросила мама.

– Да, пожалуйста! – взмолилась Шаэль. – У тебя получается намного лучше, чем у мамы.

– Но и у мамы получается прекрасно, – важно поправила ее Талани.

Гулко сглотнув, Шаэль затрясла головой, как будто случайно забыла о негласном правиле, существующем лишь между ними тремя.

– Какую историю?

– Об азаани! – хором воскликнули девочки.

– Разве вы не знаете ее наизусть? – вздохнул я. – Может, что-то другое?

Близняшки сложили руки на груди и одарили меня полным возмущения взглядом. Серьезность их намерений была очевидна, и потому я поднял руки, изображая готовность сдаться.

– Тогда начнем, – пожал плечами я. Талани отвесила мне легкий подзатыльник, намекая, чтобы я больше не дергался – движения мешали кропотливому процессу создания прически. – Скажите, вы знаете, что происходит, когда будущий азаани рождается на свет?

Азарт заблестел в их глазах, и близняшки принялись перекрикивать друг друга под аккомпанемент тяжелых вздохов старшей сестры.

– Лес заливается ярким светом!

– И распускаются цветы, все-все!

– Начинается гроза!

– Вот бы она началась сейчас, – проворчала Талани.

Из-за разницы в возрасте она ощущала на себе груз ответственности и стыда за каждую глупость, что совершали малышки, но чересчур яркая заинтересованность в моих историях раздражала ее больше всего. При Дворце Жизни ее уже обучали чтению на древнеэльфийском, а дома заставляли возиться с детьми, будто няньку, и выслушивать давно неинтересные ей истории. На ее месте я, вероятно, реагировал бы также, однако я был на своем, и любовь сестер грела мое сердце.

– День, когда родилась Маэрэльд, был морозным, как и любой другой в середине зимы. Представьте всеобщее удивление, когда снег в один миг растаял под ослепляющим солнцем, а из земли пробились, тут же распускаясь, все существующие в мире цветы, – таинственно прошептал я. Близняшки театрально ахнули, изображая удивление. – А когда первый крик малышки Маэрэльд раздался эхом по всему Арруму, в дерево рядом с ней ударила молния.

– Вот это зрелище, – восторженно прошептала Файлин.

– Вы же знаете, что азаани не стареет? – поинтересовался я, и девочки активно закивали. – Когда рождается новый правитель, ход жизни предыдущего начинается вновь. Он обучает нового азаани с самого детства, подготавливая к ответственной должности и обучая справляться с силами, что простого эльфа запросто свели бы с ума. Помните, что умеет азаани?

– Управлять лесом!

– Говорить с Эвлоном!

– И лечить, – серьезно вставила Талани. – По-моему, это лучший из даров Маэрэльд.

Произносить имя азаани вслух было странно, но слышать его из уст двенадцатилетней девочки – еще необычнее. Талани питала к королеве особую, чуткую любовь и крайне трепетно относилась к упущениям и неточностям, что я порой допускал в ходе рассказа.

Отвлечшаяся от сбора трав мама заворуженно смотрела, как девочки скакали вокруг меня, называя все больше и больше талантов правительницы, а Талани поправляла их, если те оказывались неправы. Отец, отчаянно мечтавший о дочерях, погиб почти сразу после рождения Шаэль и Файлин, и они не познали той безграничной любви, коей было наполнено мое детство; очевидное сходство моих черт с отцовскими делало это осознание лишь большее. Он был чудесным человеком – вернее, наполовину человеком, – и я, как ни старался, не мог его заменить.

– Талани, – позвал я. – Как твои уроки древнего языка?

– Среди сверстников мне нет равных.

Я с трудом сдержал смешок, чтобы не расстроить сестру, но ее высокомерие смутило не только меня; Шаэль в ответ на реплику сестры демонстративно закатила глаза.

– Как переводится «азаани»? Я что-то позабыл...

– Ничего ты не забывал, – фыркнула сестра. – «Дарящая

жизнь».

– Точно! – воскликнул я. – Ну что, как там прическа?

– Почти закончила.

Талани дважды больно дернула за пряди, будто пыталась управлять мной, как марионеткой, а затем пригласила сестер посмотреть на свое творение. По лесу прокатился звонкий смех. Девочки отвлеклись, а я, воспользовавшись этим, принялся щекотать их, и даже самая строгая из сестер тихонько захихикала. Рассказ был позабыт – мы забегали по залитой солнцем лужайке, играя в догонялки, и даже птицы, как мне казалось, смеялись вместе с нами, размеренно покачиваясь на ветках.

– Ну что ж вы! – причитала мама, когда кто-нибудь из нас наступал на бесконечно полезное, но неприметное растение. – Аккуратнее!

Следующей ночью я вновь оказался у западного выхода из леса, куда меня привела сложная цепочка подмен, создавшаяся из-за недавнего нежелания Индиса проводить ночь на другом конце Аррума в удручающем одиночестве.

Хоть и с некоторой задержкой, Богиня исполнила импуль-

сивное желание Талани, чем крайне порадовала юную почитательницу. Как только сумерки коснулись верхушек деревьев, влага в воздухе стала столь ощутимой, что мелкими каплями осела на листьях и оголенных участках кожи. Где-то вдалеке молнии живописно расползались по ночному небу, и едва слышимые раскаты грома безуспешно пытались за ними угнаться.

Гроза всегда дарила мне странное чувство спокойствия. Смертоносные вспышки света и оглушительный рев небес заставляли детей плакать, а взрослых бежать в укрытия, сетуя на гнев богов, но мне казалось, что Мать Природа не стала бы использовать что-то столь красивое лишь для запугивания. Уверен, у такого завораживающего явления была куда более благородная и значимая цель.

Сон медленно подкрадывался к моему сознанию, и я не смел ему сопротивляться; признаться честно, большую часть времени на посту любой часовой проводил в объятиях забвения. Чуткий слух сообщал о приближении чужака, как только тот въезжал на тракт, а острое зрение не позволяло стреле пролететь мимо цели, так что я устроился на мягкой траве и без колебаний опустил веки.

Посетившее меня во сне видение было шумным, и потому треск прошлогодних веток прозвучал трижды, прежде чем выдернул меня в реальность. Страхнув с глаз пелену, я резво поднялся на ноги, и уже в следующее мгновение пальцы мои лежали на натянутой до предела тетиве. Звук раздавал-

ся то с одной стороны, то с другой, и я растерянно прицеливался, вглядываясь во тьму, пока наконец не разглядел что-то в нескольких шагах к северу. Из-за куста медленно вышла лиса. Она бросила на меня ленивый взгляд, будто бы удивленная столь агрессивной реакцией, и невозмутимо продолжила свой путь. Я выдохнул; рука дрогнула, и пальцы съехали с покрытого влагой древка лука.

Всего лишь лисица. Ее аккуратные следы вели вглубь леса, и я, чтобы не вторить ее пути, небрежно размазал их очертания ботинком. У эльфов было поверье: последовав за лисой, непременно сыщешь удачу и беду – и первая будет столь же впечатляющей, сколь разрушительной – вторая.

– Не кричи.

Горла коснулась холодная полоска стали.

Я пытался сохранить внешнее спокойствие, но мысленно проклинал себя за вопиющую невнимательность.

– Не собирался.

– Если обещаешь не нападать, отпущу.

Желания драться не возникло даже с появлением острой в том необходимости, но находиться в столь неравном положении показалось несколько унижительным. Я с силой наступил на ногу скрытого тьмой противника, поднырнул под руку с кинжалом и хотел заломить ее за спину, однако следом получил сильный удар в живот, из-за чего пошатнулся и отошел на добрых полметра. Соперник повалил меня и прижал к земле, коленями упершись в мои руки, и острие кинжала

вновь защекотало кожу на шее. Носа коснулся исходящий от одежд слабый запах лимона.

– Видимо, обещания ждать бесполезно.

Капюшон сполз на плечи, выпуская на волю волны выбившихся из прически смоляных прядей. Девушка тяжело дышала. Казалось, она не впервые пробиралась в лес. Узнай Индис о том, как искусно сработал ее трюк с лисой, насмешки преследовали бы меня до конца жизни.

На щеках странницы неожиданно выступил румянец; то ли из-за скромной схватки, то ли из-за позы, в которой мы вынужденно оказались. Я открыл рот, но несколько мгновений не мог выдавить из себя ни слова.

– Пообещаю что хочешь, как только уберешь нож, – наконец вымолвил я. – Не знаю, как заведено у людей, но нас подобный жест на разговор не вдохновляет.

Хмыкнув, девушка пожала плечами и поднялась. Кинжал тут же скользнул в изящные ножны на поясе, и она протянула руку, предлагая помощь. Недоверчивый взгляд, судя по всему, обидел нарушительницу спокойствия; громко фыркнув, она сделала вид, что вытянула руку лишь для того, чтобы отряхнуть рукав от пыли.

Встав, я сразу же направился к луку. Девушка заметно напрыглась, но я не собирался в нее стрелять; мне не хотелось верить, что обладательница столь юного лика действительно была способна на нечто ужасное. Оружие я закинул за спину, а сверху надел плащ, прежде служивший подушкой, не

желая, чтобы влажная ночь испортила ценное дерево.

– Что ты...

– Прогуливаюсь, – невозмутимо отрезала она.

– И нападаешь на часовых?

– Ты первый схватился за стрелы, – парировала странница. Попытки вытащить застрявший в хвосте мусор не увенчались успехом, и она распустила волосы, аккуратной волной уложив их на одно плечо. Нить, что сдерживала пышную копну, переместилась на запястье. – Я лишь защищалась.

– Защищаться бы не пришлось, не проберись ты сюда тайком. Люди редко бывают тут ночью. Впрочем, и днем бывают нечасто.

Девушка вздернула подбородок и нахмурилась, словно, назвав ее человеком, я страшно ее оскорбил. Я довольно ухмыльнулся, наконец сумев задеть ее, и вернулся к месту, где до этого предавался дреме. Незнакомка тут же присела рядом, чем заслужила мое искреннее удивление.

– А вокруг меня они снуют постоянно, – вздохнула она.

– Хочешь привести их и сюда?

– Напротив. Бегу туда, где их нет.

Глубоко внутри разгоралось пламя интереса; я чуть наклонился вперед, чтобы заглянуть в лицо таинственной незнакомке, и луна, словно желая помочь, вышла из-за облаков, озарив лес тусклыми лучами. Шрам над бровью и плотный загар выдавали в ней простолюдинку, а манера говорить и ночной визит в лес – бесстрашие и решимость. Однако по-

грустневший голос и опустившиеся уголки губ подкидывали воображению совсем иную картину – куда более сложную, написанную полупрозрачными, осыпающимися красками.

Казалось, девушка и сама удивилась переменам настроения, а потому тут же растянула губы в дежурной улыбке и бросила на меня требовательный взгляд. Под гнетом ожидания разум сумел выдать лишь один вопрос:

– Как тебя зовут?

Незнакомка удивленно вскинула брови.

– Что? – недоумевал я.

– Ничего, – пожала плечами она. – Миа.

– Териат.

Мы пожали руки. Ее ладонь оказалась грубее, а хватка – сильнее, чем я ожидал.

Отец учил, что у людей так заведено: знакомясь или заключая договор, мужчины жмут друг другу руки. В случае если собеседницей оказывалась женщина, она протягивала руку, а мужчине следовало слегка коснуться губами ее пальцев, но я не стал даже пытаться провернуть подобное; уверен, это закончилось бы очередным эпизодом с опасной близостью клинка к моей шее.

Миа скромно улыбнулась, позабыв о прежней строптивости, и на ее правой щеке отпечаталась еле заметная ямочка.

– А что оно значит?

Я так увлекся размышлениями о людских ритуалах знакомства, что потерял нить разговора.

– Твое имя, – пояснила Миа. – Эльфийские имена всегда что-то значат. Возможно, так было и с нашими, там, откуда они пришли, но люди куда менее бережно относятся к своему наследию.

– Тебя это заботит?

– Не слишком, – покачала головой она. – Хотя жаль, что из-за этого список тем для первой беседы с незнакомцем чуть сокращается.

Я подумал, что ее речь несколько выбивалась из составленного мною образа.

– «Небесный огонь», – перевел я. – Ночь моего рождения ознаменовалась чудовищной грозой.

– Как и моя, – воодушевилась Миа, но в следующее мгновение сникла, опустив взгляд. – Но в моем случае это сочли дурным знаком. Любопытно, не правда ли? Мы живем так близко, что я добралась до леса на своих двоих, но наши народы так далеки друг от друга в восприятии мира.

Я не считал это явление хоть сколько-то удивительным и потому подумал, что вопрос не требовал ответа. Эльфы почитали Мать Природу в любом ее проявлении, каждое из которых священо, и объяснять это показалось мне глупым.

– Откуда у простолюдинки такой роскошный кинжал? – поинтересовался я.

Вышло несколько грубо; я не хотел выказывать пренебрежение к ее происхождению, но слова сами слетали с губ, предпочитая сокращать путь, изначально пролежавший че-

рез разум.

– Отец работает в королевской кузнице, – ничуть не смутившись, пояснила она. Рука Мии легла на искусно исполненные ножны и медленно, почти ласково погладила их. Положение отца в достаточной мере объясняло грамотную речь. – Я люблю оружие, но еще больше люблю смотреть, как оно меняет людей. Как острый меч вдохновляет переговорщиков рубить людей на части, а гибкий лук делает из тихони победителя турнира. Только дело в том, что это – безделушки, и на самом деле никто не становится кем-то другим.

Миа молниеносно высвободила кинжал из ножен, играючи подкинула его и вновь спрятала под накидку.

– Людям лишь нужен повод, чтобы стать собой.

Я окинул девушку оценивающим взглядом, и она, заметив это, скорчила полную отвращения гримасу.

– И кем ты чувствуешь себя с этим кинжалом в руках?

– Маленькой девочкой, которой не доверили настоящее оружие.

– В таком случае я счастлив, – улыбнулся я. – Если ты так легко сразила меня с кинжалом, не представляю, что случилось бы, будь у тебя меч.

Миа тихо рассмеялась в ответ, и в душе странным образом потеплело. Я совсем позабыл, каково это – знакомиться с кем-то новым. Однообразный поток из дней, полных листвы и ветра в волосах, вдруг прервался, озарив темную ночь яркой вспышкой света.

Лунный луч нежно коснулся ее лица, и серо-зеленые глаза испуганно сверкнули.

Я прислушался; в отличие от Мии, тот, кто приближался к нам из глубины леса, был совершенно не намерен скрываться. В такой час лишь один безумец мог притащиться к посту по собственной воле, и я поспешил успокоить новую знакомую.

– Его зовут Индис, – вздохнул я. Миа уже накинула капюшон, собираясь покинуть лес. – По уровню опасности он где-то рядом с ежом, а убить может, только смертельно утомив разговорами.

Девушка заметно расслабилась, но взгляд все еще растерянно метался в поисках укрытия. Поразмыслив пару секунд, она резко развернулась в сторону близлежащего королевства и свернула с дорожки, скрываясь от моего взора. Я ждал, что она вспомнит о неприлично опущенном прощании, но вскоре запах лимона исчез вслед за ней.

– Тер!

Голос прозвучал так внезапно, что я едва не подпрыгнул.

– Ты что, спать и стоя научился?

Я подумал, что лучшим ответом станет многозначительный взгляд, и развернулся к источнику звука. Огненное облако вокруг лица Индиса колыхалось, сотрясаемое язвительным хохотом.

– Почему сегодня все надо мной смеются? – возмутился я.

– Кто «все»? – заинтересовался друг, уже отчаявшийся

найти единомышленников.

– Ну, для начала Богиня...

Индис махнул на меня рукой – самый раздражающий жест в его арсенале – и с разбегу прыгнул на ковер из сочной молодой травы. Разумеется, выглядела она куда мягче, чем была на самом деле, и я едва сдержал смех от вспыхнувшего на лице друга негодования.

– Как ты можешь быть самым болтливым, раздражающе счастливым существом на свете и в то же время ворчать, как старый козел?

Индис сорвал длинную травинку и вставил ее между зубов.

– Это называется «талант», – заявил он гордо. – Слышал когда-нибудь о таком?

Глава 3

Утром лес сотрясла весть о еще одном нападении на леса близ Эдронема. Еще не покинувшая Аррум группа северных эльфов объявила, что готова принять любую помощь со братьев, и Маэрэльд сообщила о сборе для желающих отправиться в далекие земли. Полдень близился, и я, перекинув через плечо лук и колчан со стрелами, направился к Дворцу Жизни.

Поляна пустовала. Впрочем, удивляться не стоило; покинуть обитель тишины и спокойствия ради чужой и далекой войны так же сложно, как отдать руку на отсечение – бессмысленно без веской на то причины. Я раздумывал, поче-

му решил на это сам, но не пришел ни к чему, помимо банальной скуки.

Среди прочих жаждущих странствий я встретил всех, кто когда-то так же увлеченно занимался стрельбой, как и я; однажды Аэгтир, пытаясь сбить яблоко с моей головы, чуть не всадил стрелу мне в глаз, но и это не умерило нашего пыла. Аррум славился лучниками, и я гордился, что был причастен к этой славе, хоть неспешное перечисление моих личных успехов и занимало не больше минуты.

На этот раз Альбреад вышел из башни, желая встретиться с энтузиастами на равных. Он медленно вышагивал по мосту. Его образ не был даже самую малость примечательным – эльф будто бы терялся среди лесного пейзажа, становясь его частью, – и ситуацию лишь усугубляла сопровождающая его Маэрэльд. Королева лесного народа, казалось, плыла по воздуху, озаряя все вокруг, отчего напряжение на лице Альбреада делалось почти скорбным.

– Храбрые мужи, – поприветствовал он, и кто-то за моей спиной тихо покашлял. – И еще более храбрые дамы. Я рад, что Богиня позволила путям наших жизней пересечься, хоть и по такому печальному для всех поводу.

– Можно вопрос?

Женский голос прозвучал требовательно, хоть и несколько насмешливо. Северянин кивнул.

– Почему мы не нападем на Грею? Чем лечить отравленных ядом, лучше отрезать голову змее.

– Потому что, дитя мое, мы не знаем, что это за змея, – мягко произнесла азаани. – И не уверены, ядовита ли она.

– Пойманные бойцы могли солгать, поэтому сведения о нападении... противоречивы, – признался Альбреад. – Нет уверенности, что это не обманный маневр, призванный отвлечь внимание от настоящей цели.

– Нас собралось не так уж и много, – вставил я. – У Арру-ма останется множество достойных защитников, способных справиться с любой атакой.

Северянин еще раз поблагодарил участников отряда и сообщил, что отправление состоится на закате. Долгое время он рассказывал об особенностях ландшафта Эдронема, о коротком, но сложном пути, пролегающем через бурные реки, и опасностях, что могут ждать нас по прибытии. Отчего-то я совершенно не волновался, будто давно готовился к подобного рода походу, и потому его предостережения казались мне очевидными и даже глупыми.

Когда лучники стали покидать поляну, чтобы провести последние часы до отъезда с родными, меня коснулась теплая рука азаани. Я не смог сдвинуться с места, но так и не понял почему.

– Териат, – тихо произнесла она, устремляя на меня взгляд горящих зеленою глаз. Спокойное лицо никак не сочеталось с плохо скрываемым в голосе раздражением. – Боюсь, тебе суждена другая битва.

– Но я хочу помочь, – возразил я. – Здесь от меня никакой

пользы.

– Эвлон видел иную картину.

Сам того не ожидая, я вспыхнул. Едкие слова едва не жгли язык, умоляя выплеснуть их наружу, и я, совершенно не думая о последствиях, поддался искушению.

– Вы можете выдавать свои слова за пророчества Эвлона сколько угодно, ведь никто кроме вас не имел удовольствия общаться с Духом Леса, но я намерен распоряжаться своей жизнью, как сам того пожелаю.

– Очаровательно, что ты так считаешь.

Позволив улыбке на краткий миг блеснуть на губах, азаани покинула поляну, оставив меня наедине с пылающим внутри негодованием. Я понимал, что не могу послушаться приказа королевы, ведь на самом деле не собирался ставить под сомнение ее искренность и преданность своему народу, но желание поступить наперекор не утихло ни к вечеру, ни к следующему утру. Я поделился жадой авантюры с друзьями, и те, к несчастью, совершенно не преуспели в том, чтобы облагоразумить меня, напротив – спустя мгновение Индис уже протягивал мне плащ и приказывал спрятать уши за прядями волос.

– Никто в этом лесу не знает, как насолить азаани, лучше, чем я, – ответил он на мой вопросительный взгляд. – Я делал это столько раз, сколько другие даже не смели помыслить.

Спорить с этим было бессмысленно, и я молча последовал всем указаниям друга. Мы добирались пешком, и пото-

му, оказавшись у городских стен, застали солнце уже скрывшимся за силуэтом замка. Бэтиель запуталась в полах плаща, который был, очевидно, слишком велик для ее хрупкой фигуры, и громко выругалась.

– Пользуйся людским языком, Бэт, – предостерег Индис.

Эльфийка скривилась; его замечания били по ее самолюбию сильнее прочих.

На стене показался лучник, нацеливший на нас стрелу. Мы мгновенно остановились, и я задрал голову, придерживая норвящий слететь капюшон.

– Кто такие? – буднично крикнул королевский подданный.

– Странники, – громко ответил я. Бэтиель увлеченно поправляла накидку, не обращая внимания на разговор, а Индис заинтересованно оглядывал стены. – Если это возможно, мы бы хотели переночевать и набрать припасов перед дорогой.

Лучник еще какое-то время рассматривал нас, но, хоть и не проявлял особого интереса, заметно колебался. Я отодвинул полы плаща, чтобы продемонстрировать отсутствие крупного оружия вроде меча, молота или топора, и ткнул Индиса, чтобы он сделал то же самое. Стражник удовлетворенно кивнул, и ворота стали медленно открываться.

Мы проскочили в щель, как только она стала достаточно широкой для наших тел, и шум каменного города тут же захлестнул нас. Люди сновали по улицам, занятые повседневно-

ными делами. Грузная женщина, пытающаяся сдуть с потного лица непослушную прядь, тащила к постоялому двору два полных ведра воды. Маленький мальчик, босой, но не пропускающий ни одной грязной лужи, разносил по домам записки и письма, доставая их из маленькой рваной сумки, висевшей на его плече, и каждый, получив послание, обязательно трепал его по лохматой голове. Всевозможные звуки города переплетались в особую, пусть и несколько сумбурную, мелодию, однако ни ругань рабочих, ни визги детей, ни крики глашатая на площади не могли перебить музыку бьющего о наковальню молота.

Я бывал в Грее прежде, но редко без повода, и никогда — в обход запрета, а потому стыд за неповиновение придавливал меня к земле. Мы рассматривали товары в лавках, общались с горожанами, улыбались прохожим, и восторг наполнял мое сердце, оттого лишь утяжеляя вину. Индис заметил, что приключение приносило не так много удовольствия, как ожидалось, и тут же придумал, как превратить наш побег в общественно полезное дело.

Мы разделились, договорившись встретиться в трактире «Три ивы», как только на земли опустится ночь. До тех пор каждый из нас обязался пройти по определенной части города, полностью обратившись в слух; узнав настроение горожан и слухи, что беспрестанно гуляют по улицам, было бы легче предугадать планы короны. Мне достался рынок, стоящий у подножия холма, на котором возвышался замок

короля Эвеарда – исполинское сооружение из светло-серого камня с бесчисленными комнатами в лабиринтах коридоров. Сложная архитектура здания указывала на статус правителя, чистота и спокойствие на улицах – на любовь народа, а флагшток с развевающимся на нем гербом с изображением дубового листа – на единство. Говорят, когда-то местный король лично вышел на улицы, чтобы спросить у людей, под каким знаменем они хотели бы видеть родные земли, и принял решение, лишь опросив каждого жителя страны. Греи не было бы, не поддержи азаани прадеда нынешнего правителя, Уинфреда, наделив того правом на вырубку аррумского дерева для постройки первых зданий, и потому мнение Маэрэльд в выборе символики Греи, конечно, тоже не осталось без внимания.

На рынке царил карнавал запахов. Солонина, вино, специи. Горы свежееиспеченного хлеба, демонстрирующие, что находящийся под властью Греи Лартон являлся крупнейшим поставщиком зерна на материке.

Вечно спешащие горожане пробегали мимо, бесконечно задевая меня корзинами.

Одно из прикосновений решительно выделялось на фоне прочих; оно было мягким и теплым, словно кто-то медленно скользнул пальцами по тыльной стороне моей ладони.

Я обернулся. Смоляные пряди промелькнули в толпе, едва дав мне возможность заметить их, и исчезли в бурлящем потоке людей.

– Дракон тебя поберет, чего встал посреди дороги! – раздался рядом скрипучий голос. Пожилая дама разочарованно наблюдала, как яблоки из выпавшей из рук корзины стремительно разбегаются по дороге, и половину из них тут же давят не смотрящие под ноги подданные Греи. Дама сетовала, что не в силах наклониться и собрать их, однако от помощи отказалась, предпочтя бросать ругательства мне вслед до тех пор, пока я не скрылся из виду.

Пожалуй, это было самое интересное, что произошло со мной за день в королевстве. Абсолютно никто из тех, кого я повстречал, не сказал чего-либо полезного; никаких сплетен, тихих разговоров за углом, ругани на произвол власти. Ничего.

Когда я добрался до трактира, Индис и Бэтиель были уже на месте. Они сидели за столом, склонившись над пинтами эля и тарелкой с печеными овощами, и оживленно спорили.

– Ну что, как успехи? – прервал я их, подсаживаясь и спуская капюшон, чтобы в тусклом свете заведения не чувствовать себя слепым; к счастью, длина волос позволяла без проблем скрывать уши, отличавшие меня от основной массы посетителей.

– Слышал у кузнеца, что король поручил ему крупный заказ, – непривычно серьезно отчитался Индис. – Около тысячи мечей и доспехов, которые нужно отремонтировать и подогнать. Он даже взял себе нескольких помощников, которых, как я понял, никогда раньше к наковальне не подпускал.

– Странно, – ответил я.

– Вовсе нет, – вмешалась Бэтиель, ставя на стол опустошенную пинту. Та была такой огромной, что эльфийка едва удерживала ее одной рукой. – Возле казарм я видела множество мальчиков, совсем юнцов. Проходят военную подготовку, и, похоже, ускоренную.

– Судя по всему, планируют нападение. Но на кого? – Индис задал вопрос и тут же сам дал на него ответ: – Наверняка на Эдроном, как и сообщалось, но я все никак не пойму... что им делать на севере?

Я хмыкнул в ответ. Прежде я не интересовался политикой подобного рода, и оттого происходящее казалось еще более диким. Сначала я чуть не бросился в битву, что меня совсем не касалась, теперь – пытался выведать планы правителей, подслушивая разговоры подданных. Я совершенно не понимал причины конфликта, если тот вообще был реален. Да и разведчиком оказался дрянным; не услышать ни одного стоящего слова в месте, где люди только и делают, что болтают, было в некотором роде оскорбительно.

Индис похлопал меня по руке.

– Смотри.

Эльф указал на столы в другой части таверны, и я повернулся. Взгляду пришлось продираться через посетителей таверны, как через плотные заросли; пестрые, грязные одежды и однообразные лица смешивались, не позволяя сосредоточить на них взгляд, и лишь спустя несколько долгих секунд

я понял, на что Индис обратил внимание.

Неподалеку от нас тучный светловолосый мужчина соревновался в количестве выпитой на скорость медовухи. Его пухлые губы и подбородок блестели от влаги, а глаза устало подсчитывали стоящие на столе пинты. Полдюжины были пусты, но оставалось еще две, одну из которых он держал в руке и никак не мог прикончить. Его соперник, судя по всему, справлялся с задачей значительно лучше.

– Ведьма, – захохотал мужчина, рыгая.

Девушка с красной нитью в волосах опустошила последнюю пинту и триумфально ударила ей об стол с такой силой, что половина стоящих на нем сосудов тут же скатилась на пол. Гости трактира взорвались одобрительными криками, осыпая победительницу аплодисментами, и та залезла на стол, чтобы театральным поклоном отблагодарить за интерес, проявленный к ее скромной персоне.

– Миа, – ошеломленно прошептал я.

– Вы знакомы? – с нотой возмущения отозвалась Бэтиель.

Миа подняла голову, собираясь слезть со стола, но поймала мой взгляд и замерла. Я подумал, что мне стоило притвориться, будто я ее не заметил; это освободило бы ее от необходимости проявлять вежливость и приветствовать меня. Возможно, я застал ее в неловкий момент – хотя, судя по всему, она была невероятно горда собой, – ведь она вряд ли могла подумать, что наша следующая встреча пройдет именно так. Впрочем, я даже не успел отвести взгляд, чтобы при-

ступить к выполнению своего трусливого плана.

– Тери!

Возглас был таким радостным, что все посетители таверны невольно обратили на меня внимание. Миа перескакивала со стола на стол, и я, пребывая в полнейшей растерянности, встал, чтобы галантно пригласить ее присоединиться к нашей компании. Варианты приветствия метались в голове, и я не знал, какой подойдет лучше – почтительный поклон головы, рукопожатие или дружелюбные слова; лишь знал, что вариант с ножом и стрелами больше не годился. Так или иначе, ни один из способов не оказался достаточно эффективным, чтобы соответствовать действиям Мии. Оказавшись на столе, что находился позади, девушка запрыгнула мне на спину и потрепала по волосам. Я подхватил ее, боясь уронить.

– Тери, я так рада тебя видеть! – едва складывая слова в предложения, пропела Миа. Я, невольно оказавшись в непосредственной близости от лица девушки, почувствовал запах ее кожи: сладкий и теплый, изобилующий оттенками охваченных пламенем ароматных поленьев. – Давно ты в городе?

– Совсем недавно.

Я указал на свободную скамью, и Миа спустилась на пол. Даже не взглянув на моих спутников, она присела на предложенное место и потянулась к моей пинте.

– Ой, это так здорово! – пробормотала она, повернув голову. Наши лица оказались непозволительно близко, и Миа

чуть отшатнулась. Ее рука скользнула к моим волосам и поправила их, прикрывая оголившееся ухо. Я смущенно кивнул. Удивительно, что в таком состоянии она задумалась о сохранении моей тайны.

– Поздравляю с победой, – вставил Индис, поднимая пинту.

Миа вздрогнула от громкого голоса и обратила замутненный взор к эльфу. Его лучезарная улыбка была способна ослепить, но живущая в непосредственной близости к замку девушка наверняка видела немало красивых мужчин, и потому его очарование оказалось бессильно. Она вежливо, хоть и нечленораздельно, поблагодарила Индиса, а затем вновь повернулась ко мне.

– Надо п... показать тебе... город, хочешь, я... покажу...

Слова слетали с губ все медленнее, а голова постепенно опускалась на мое плечо. Лишь коснувшись лбом ткани плаща, Миа сладко засопела. Я засмеялся – то ли от странности ситуации, то ли от ее неуместности, – а напряженная до скрежета зубов Бэтиель наконец набралась смелости вложить в один короткий вопрос все недовольство, на которое было способно ее крошечное существо.

– Кто это?

– Кажется, дочь кузнеца, – ответил я. Желание пожать плечами было почти непреодолимым, но я остановил себя – положение Мии на одном из них казалось крайне шатким. – Не думал, что она меня узнает. Виделись лишь однажды.

– Это было рискованно, – пояснила свою нервность Бэт.

– Не думаю, что кто-то из присутствующих способен вступить в конфликт, – не согласился я. – Они с трудом сосредотачиваются на том, что лежит в их тарелках.

Эльфийка хмыкнула. Индис молчал, все это время смотря на меня с многозначительным прищуром, по которому становилось понятно, что по возвращении в Аррум меня ждет многочасовой допрос. Я имел смелость не поделиться с ним подробностями встречи с Мией, и теперь его любопытство испытывало небывалое неудовлетворение.

После полуночи посетители трактира стали расходиться по домам и комнатам на постоялом дворе. Индис и Бэтиель также ушли, предпочтя мое общество подушке и одеялу. Количество потребленного Мией эля не позволило ни одной из моих уловок разбудить ее, и я, не видя иного выхода, вынырнул из-под ее головы, аккуратно обхватил за талию и поднял ее на руки. Чтобы иметь возможность разузнать что-либо и ночью, мы специально взяли комнаты в трех разных зданиях, и моя, к счастью, оказалась ближайшей к трактиру.

Дверь мне помог открыть проходящий мимо мужчина. Он красноречиво ухмыльнулся, глядя на находящуюся в бессознательном состоянии деву в моих руках, отчего по спине пробежал омерзительный холодок. Я положил Мию на кровать, чем чуть не нарушил ее сон; тяжело вздохнув, она повернулась набок и тщательно укуталась в одеяло.

– Поразительно, что мы встретили именно тебя, – протя-

нул я.

Соорудив из плаща подобие подушки, я устроился на полу рядом с дверью и совсем скоро исчез в царстве мечт и теней.

Мой сон чуток, а потому на постоялом дворе, полном пьяниц и беспризорников, он оказался для меня непозволительной роскошью. Я просыпался от каждого шороха: шагов постояльцев за дверью, кашляющего пьяницы на улице, постоянно ворочающейся в постели Мии. Все это время я оставался неподвижен, пока мой разум не потревожил стук копыт. Стук сотен копыт.

С трудом раздвинув ставни ветхого окна, я высунулся на улицу; близость постоялого двора к городским воротам подарила мне наилучшую точку обзора. На дорогу с напором, словно вода в засохшее русло, выплеснулось целое войско. Гнедые кони в полной амуниции гордо вышагивали по выложенной камнем улице, а всадники, которые, напротив, были одеты легко, приветствовали прохожих, словно вернулись победителями из затяжной войны. Отсутствие железных доспехов обнажало загорелую кожу, а черные волосы и бороды блестели, отражая солнечный свет. Поток гостей Греи не

прекращался: вслед за конницей вошли пехотинцы, а затем – караваны слуг. Горожане встречали чужеземцев восторженными возгласами.

Я надел плащ, натянул капюшон и выскочил на улицу, лишь взглядом попрощавшись с все еще безмятежно спящей лисицей. Я надеялся, что, придя в себя, она не подумает, что я воспользовался положением, иначе я вряд ли смогу доказать ей, что дела обстояли иначе. Впрочем, она могла и вовсе не вспомнить о нашей встрече; большое количество эля часто способствует утренней забывчивости.

Следуя вместе с толпой за шествующим к замку войском, я пытался пробраться к чужакам, чтобы лучше их рассмотреть. Их лошади были нагружены сверх нормы, а все воины – коротко стрижены; вероятно, потому что добирались по морю, а длинные волосы не любят влаги. Но как же тогда они перевезли столько лошадей?

– Мои дорогие гости! – раздался низкий голос, и народ, как по команде, затих. Мы практически подошли к замку, миновав рынок, и остановились на главной городской площади у подножия замка. Король Эвеард вещал с наскоро сколоченного помоста. – Хант, благородный принц Куориана!

Что ж, это объясняло их внешний вид. Куориан – остров на юго-западе, одно из богатейших королевств; повелители золота и вулканов, коими их земли так богаты. Но для прибытия в Грею, откуда до ближайшей воды добираться больше недели, должна быть веская причина. К тому же для огром-

ного войска во главе с наследным принцем.

— Куориан не мог не откликнуться на ваш зов, Ваше Величество, — гулко ответил принц, оставшись верхом на лошади, но все же изобразив поклон. — Грея всегда была нам верным союзником и другом.

— Располагайтесь. — Король махнул рукой слугам, которым, по всей видимости, поручил этим заняться. — Для доблестных воинов место найдется всегда. А к полудню мы ждем вас и ваших военачальников на обед. Моей семье не терпится с вами познакомиться!

Принц Куориана кивнул и нехотя сполз с лошади, отдавая приказы стоящему рядом громиле. Эвеард отошел в сторону. Я как раз подобрался к помосту, заняв место в первом ряду, когда король наклонился к стражнику и разъяренно прошептал:

— Где, дракон побери, моя младшая дочь?

Стражник растерянно завертел головой; видно, ему нечего было ответить своему правителю. Король тяжело вздохнул, коротким движением поправил седые волосы и направил бесцельный взгляд вдаль. Эвеард был рожден в не слишком солнечных землях, но красноватый загар уже не смывался с его кожи; отпечаток многолетних военных походов навсегда останется с ним, как напоминание о молодости, полной побед и поражений. Однако это совсем не делало его похожим на островитян, коими теперь полнился его двор; цвет глаз сильно выделял его на их фоне. Династия, начавшая-

ся с первого короля Греи, Уинфреда, обладала редкой среди людей особенностью – светло-серой радужкой. Впрочем, сильная челюсть, делающая лицо короля почти квадратным, и впалые щеки, ничуть не полнеющие от сытной жизни во дворце, и без того выделяли Эвеарда среди мужчин его возраста. При виде этого человека никто не засомневается, что перед ним стоит король.

Из замка вышли две женские фигуры: одна – темноволосяя, явно южанка, пусть и давно живущая в наших краях, вторая – бледная, невесомая девушка с пшеничного цвета волосами. Их богато расшитые платья сверкали в свете утренних лучей, недвусмысленно сообщая о положении в обществе. Обе встали рядом с Эвеардом. Жена и дочь.

– Рады приветствовать вас и ваше войско, принц Хант, – удивительно низким голосом произнесла южанка, одаривая гостя легким, почти незаметным кивком. – Королева Ровена, к вашим услугам.

– И принцесса Минерва, – безразлично дополнила ее дочь.

Толпа за моей спиной будто бы забурлила, то вздымаясь, то расходясь в стороны. Младшая дочь короля спешила к помосту, не успев к мероприятию из-за, вероятно, увлекательной прогулки по городу, хотя я едва ли мог представить место, из которого недавнее шествие можно было не заметить.

– Слава Богине, – вздохнул король негромко.

Чуть мятое фиолетовое платье мелькало в толпе, а локо-

ны, точь-в-точь повторявшие цвет волос королевы, развеваясь, задевали прохожих. Я отступил, как поступали все, кто оказывался на пути опоздавшей особы. Пробегая мимо, она, как и прошлым вечером в таверне, замерла, из толпы глазющих выбрав именно мой взгляд.

Так вот оно что. Значит, принцесса.

Наконец она добралась до членов своей семьи и, не обращая внимания на крайне недовольный вид короля, позволила себе отдышаться.

– Ариадна, – наконец представилась она.

Впечатленный забегом принцессы Хант хмыкнул; я бы назвал его улыбку не иначе как непристойной.

– Рад знакомству, – поприветствовал Хант, а затем медленно потянулся к своему уху. Принцесса, считав намек, запустила руку в волосы и вытащила застрявшую в них соломинку; вероятно, выбилась из подушки на постоялом дворе. – Я счастлив быть здесь, Ваше Величество, и надеюсь на плодотворное сотрудничество наших великих держав. А сейчас, если позволите, нам нужно где-то разместиться. Я буду в столовой к полудню – со всеми дарами, что переданы вам с моих земель.

Толпа засвистела и захлопала в ладоши. Причину для аплодисментов я, видно, упустил, но последовал примеру горожан. Ариадна растерянно смотрела на меня с высоты помоста, перебирая пальцами подол платья. Не знаю, как выглядел со стороны я сам, но скрывать замешательство я не

пытался.

Все встало на свои места, сложилось из мазков краски в цельную, яркую картину. Грамотная речь, дорогая одежда, редкое оружие. Если принцесса хочет обучиться искусству владения клинком, для нее, полагаю, тут же находится лучший учитель, и потому ее навыкам удивляться не следовало. Вопросов, однако, оставалось много. Зачем пробираться в лес и скрываться под чужой личиной? Могла ли она быть разведчиком? Представителей данной профессии убивают, не оглядываясь на законы, но никто не посмел бы обвинить в подобном дочь короля. Разве ей не полагалось наслаждаться роскошью и властью? Я допускал, что имел весьма ограниченное представление о представителях знатных родов, и все же я точно знал, что они, в отличие от эльфов, могли наследовать и захватывать власть; это накладывало на их общество мрачную тень честолюбия. Деньги и влияние, которое они дарили, не меняют в нашем мире ничего, кроме тяжести кошелька, в то время как люди молятся монетам едва ли не истовее, чем эльфы – Матери Природе.

– Пора идти, пока все не разбежались.

Индис с Бэт сумели отыскать меня в толпе. На несколько минут я выпал из реальности; помост опустел, куорианская армия исчезла в коридорах замка, а горожане принялись расходиться, взбудораженные неожиданным представлением.

Я кивнул, и Индис утянул меня в самую гущу толпы. У ворот нас вновь встретил стражник, и я, чтобы избежать лиш-

них вопросов, кинул в его сторону монету. Пытаясь ее поймать, мужчина чуть не запутался в собственных ногах. Под смех его сослуживцев мы вышли за ворота, неторопливым шагом направляясь в Аррум.

– И как скоро ты хотел рассказать нам, что завел дружбу с принцессой? – с улыбкой спросил Индис.

Так и знал, что он не дотерпит до дома.

– Она представилась дочерью кузнеца, и у меня не было причин ей не верить, – в сотый раз объяснял я другу. Он заставил меня пожертвовать долгожданным сном, чтобы скрасить его вынужденное одиночество на южном выходе из леса. Индис считал, что прежде я скрывал подробности из-за Бэтиель, якобы не проявлявшей интереса к разговору, а потому непременно откроюсь ему, как только мы останемся наедине. – Загар, будто работает под солнцем. Одежда, как у разбойницы, хоть и чистая, и никаких признаков изысканных манер. Да и какая принцесса сбегает в лес посреди ночи?

– Ну, получается, одну такую мы уже знаем, – подметил он. – Но все еще не понимаю зачем.

– Сказала, что хочет побыть одна, – пожал я плечами. –

Хотя, судя по тому, как она кинулась на меня с ножом, может, хотела зарезать пару эльфов к ужину.

Индис баловался со стрелой, подкидывая ее. Новость о нападении настолько завладела его вниманием, что он не заметил, куда упал запущенный в воздух снаряд. Рассказ о ситуации с лисой почти довел его до истерики, и я был рад, что отвлек его, хоть тем самым и обрекал себя на вечные насмешки. После похода в Грēju Индис был глубоко обеспокоен. Весть о том, что Эвеард действительно планирует нападение, не поставив в известность эльфов, не могла не настораживать, и приехавшие на помощь островитяне лишь усложняли ситуацию.

Так вышло, что наш народ сотрудничал с людьми. Так или иначе, все, кто направлялся в Грēju, проезжали часть наших лесов, а значит, все, что затевали в Грее, неминуемо касалось и нас. Если горные эльфы могли избежать этого – через горы в земли Эвеарда будет добираться разве что сумасшедший, – то мы не могли остаться в стороне. Если Грēja планировала завоевание чужих земель, азаани следовало узнать об этом из уст короля, ведь угнетенные правители редко мирятся с незавидной участью – они возвращаются мстить. А Аррум в таких случаях неизбежно страдает лишь по причине того, что тысячелетиями стоял на месте, рядом с которым пару сотен лет назад возвели каменный город.

Проблема состояла в том, что Эвеард совершенно точно был об этом осведомлен. Мой отец работал с ним долгие го-

ды; они наладили мир между нашими народами, который в то время было сложно даже вообразить. Обо всех правилах этого мира Эвеард не просто знает – он составил и утвердил их, подписав документ и дав клятву на собственном роду. Тем страннее было наблюдать, как бесчестно он пренебрегал заключенными договоренностями. Он не так уж стар, чтобы разум его помутился, но, быть может, жажда богатств все же проела дыру в его благородном сердце.

Шорох.

Мы с Индисом резко повернулись в сторону шума, чему его источник совсем не удивился. Серые глаза выглядели скорее усталыми, нежели испуганными, а забытая Индисом стрела игриво покачивалась меж пальцами принцессы. Я попытался подыграть ее невозмутимости.

– Ну, привет, лисица.

– Эм... Миа, если ты забыл, – чуть обиженно поправила она.

– Я помню, – улыбнулся я, сумев скрыть неловкость. – И первое имя, и второе.

Ариадна протянула Индису его стрелу. Я гадал, как она определила хозяина; быть может, обратила внимание на ленты, украшавшие колчан Индиса и древко каждой из его стрел, или подумала, что я не стал бы раскидываться столь ценными боеприпасами. Возможности человеческого зрения в темноте были мне неизвестны, но я все же предпочел верить во второй вариант.

Серый плащ скрывал столь же неприметные одежды, и оттого резные ножны лишь громче кричали о своей уникальности. Ариадна пыталась отдышаться, но исходящее из-за кустов недовольное фырканье явно принадлежало кое-кому более крупному.

– Пришлось объехать пол-леса, чтобы отыскать тебя, – объяснила принцесса. – Повезло, что отправилась не пешком.

– Я польщен твоим рвением, но сомневаюсь, что оно вызвано интересом к моей персоне.

Ариадна ухмыльнулась, и я едва сдержался, чтобы не поступить так же; фраза прозвучала так, будто конюх упрекнул короля в неумелом ведении дел – иначе говоря, нелепо.

– Послушай, – произнесла лисица после нескольких секунд молчания. – Я не хотела врать, но... ты бы поверил, признайся я в своем происхождении?

– Вряд ли, – протянул Индис.

Я с укором посмотрел на друга, и взгляд вышел таким выразительным, что тот вжал голову в плечи.

– Мне просто нравилась мысль, что я могу быть кем-то еще. Помнишь, что я говорила об оружии? – продолжила Ариадна, и я кивнул. – Меня ужасно достали все эти условности. Может, я хочу ругаться матом, драться и пить медовуху, а не влезать в корсеты и любезничать с мужчинами втрое старше меня?

Принцесса ждала отклика в наших глазах, но все это ка-

залось настолько далеким и ненастоящим, что мы не нашли подходящего ответа.

– Но, как вы понимаете, никто не спрашивает, чего я хочу.

Я опустился на траву, приглашая Ариадну присесть рядом. Принцесса на минуту вышла из леса, чем несколько смутила меня, но звуки скользящих по коре поводьев подсказали, что она отвлеклась на привязывание коня к дереву.

– Может, мне стоит уйти? – тихо предложил Индис.

– Нет, останься, – тут же возразила Ариадна, высовываясь из-за листвы. – Ты...

– Индис.

– Останься, Индис. Хочу, чтобы ты был свидетелем моих слов.

Пораженный эльф облокотился на дерево, сложив руки на груди; он еле сдерживался, чтобы не завалить принцессу вопросами. Как и у него, у меня их скопилось бесчисленное множество, но я не знал, насколько вправе задать хоть один.

– Я знаю, что совет Греи посоветовал отцу не обращаться к вам, и потому пришла сама. Полагаю, вы слышали о недавних стычках?

Ариадна осторожно выбирала выражения, и руки ее то встревоженно блуждали по полам плаща, то поправляли непослушные пряди. Казалось, если мы прервем ее хоть на мгновение, переживания разорвут ее на части. Это было столь очевидно, что даже вечно болтающий Индис предпочел помалкивать.

– Отец стал очень... воинственным. Недавно наши вассалы попросили о помощи: их дома грабили, а деревни сжигали, выживая с их собственной земли. И когда поход оказался настолько удачным, что воины вернулись не только освободителями, но и добытчиками, он будто ухватился за хвост ускользающей молодости. Его разведчики повсюду, и совсем скоро он перестанет довольствоваться мелкими победами.

Ариадна наконец села рядом со мной и закуталась в плащ, немного подрагивая, однако летняя ночь и теплые одежды были не в силах унять внутреннюю дрожь. Я поднял свою накидку с травы и набросил ей на плечи; она подняла взгляд, немного сдвинув брови, будто я вновь сделал что-то оскорбительное, но продолжила рассказ.

– К тому же он очень внимателен к советам моей старшей сестры. Да, она первая в списке наследников престола, впитавшая азы правления с молоком... молоком матери, – Ариадна сбилась, будто бы засомневавшись в точности подобранного выражения. – Многие решения в Грее принимаются именно с ее подачи и одобрения. Весь двор, за исключением, пожалуй, капитана гвардии, жадно внимает ее словам. И теперь, похоже, к ним присоединится еще и войско островитян во главе с принцем Хантом.

«Войско островитян». Я улыбнулся, поняв, что она разделяет мое пренебрежение. Правда, если причины моей настороженности были ясны, то с ее позицией еще предстояло разобраться. Как мне показалось, Ариадна была весьма при-

ветлива с принцем; как и он, столь любезно намекнув ей на ненадлежащий вид.

– Они собираются напасть на Эдронем? – не выдержал Индис. – Но с какой целью? Что им искать в их холодных пустошах, что...

– Эдронем? – переспросила Ариадна, перебивая эльфа. – Впервые слышу. Ты прав, отправляться туда бессмысленно.

– Но эльфы с севера сообщили, что Грея напала на их лес несколько недель назад, – вмешался я.

– Может, и так, – согласилась принцесса. – Но новых нападений на них не планируется. Насколько мне известно, их цель – Амаунет.

Мы с Индисом переглянулись. Это королевство находилось так далеко на востоке, что за всю жизнь в Арруме я слышал о нем лишь дважды; их климат и природные условия не подходят для эльфов, и даже попытки побывать в тех краях давно не предпринимались. Пустыни, степи, песок, невыносимая жара – ад для любого представителя народа, чья жизнь неразрывно связана с Матерью Природой и жизнью, что она дает и отбирает. Сложно было даже представить, что привлекло Эвеарда в далеких засушливых землях.

– Именно поэтому на помощь приехали куорианцы, а не народ моей матери, хоть Драрент и находится значительно ближе, – продолжила Ариадна, заметив наше замешательство. – Никто, кроме них и самих амаунетцев, не знает, как пережить столь изнурительную дорогу.

– И жителей Шааро, – вздохнул я. – Если на этом гиблом острове все еще кто-то живет.

– Но разве у Греи когда-то были конфликты с Амаунетом? – поинтересовался Индис. – На почве ресурсов? Наследования власти? Торговли?

– Никаких связей, – отрезала принцесса. – Это меня и беспокоит.

Индис хотел вставить что-то язвительное – это желание легко читалось на его лице, а я еще никогда не ошибался с подобного рода предсказаниями, – но мой строгий взгляд остановил его до того, как он успел открыть рот.

– Когда-то мы с Минервой, как и все сестры, были близки. В детстве мы даже создали шифр, чтобы никто не мог читать наши записки. Строили вокруг себя уютный мир, в котором лишь мы могли друг друга понять, но теперь... сейчас мне кажется, будто я никогда не знала этого человека.

Какое-то время мы сидели в полной тишине. Ариадна пыталась справиться с подступившими слезами; слова о сестре дались ей непросто. К тому же то, что она поведала другому народу планы королевской семьи, легко могли счесть за измену. Эвеард не позволил бы казни состояться, но утратил бы к дочери доверие и любовь – то, что ребенок должен получать от родителя вне зависимости от возраста. Индис устался в одну точку, пытаясь сосредоточиться. Я же поднялся с земли и принялся ходить вокруг деревьев, сцепив руки за спиной; действие бесполезное, но так я мог направить мысли

в нужное русло.

– Жаль, что господина Айреда больше нет. Он бы быстро вразумил отца, – поджав губы, прошептала принцесса.

– Ты его знала?

– Я любила, когда он бывал в Грее, – пояснила она, ни капли не удивившись моему интересу. – Если визит выпадал на период цветения, он всегда приносил мне венок из ромашек. Ваш лес ведь потому так и зовут, верно? Айред рассказывал, что Аррум означает «золотой луг», потому что летом все поляны застланы коврами из ромашек.

Голос Ариадны вновь дрогнул. Было сложно понять, накопившиеся ли это переживания или скорбь по ушедшему другу детства, но когда она спрятала лицо в ладонях, а накидка слетела с плеч, я подошел и, желая поддержать, аккуратно коснулся ее спины.

В ответ на мой жест принцесса вскочила на ноги и быстро избавилась от влажного блеска глаз. Лицо ее приобрело серьезное, настороженное выражение.

– Все нормально, – бросила она, словно то были не слова, а тысяча маленьких кинжалов, призванных сделать из меня решето. – Не стоит меня жалеть.

Я, действовавший инстинктивно и не помышлявший ни о чем дурном, лишь поджал губы в ответ. Мой опыт общения с эльфийками не был богат, а с девушками из числа людей и вовсе стремился к нулю; устройство их разума мне мало знакомо. Я слышал, что задеть их чувства в разы проще, и

все же реакция Ариадны на попытку поддержать все равно показалась мне преувеличенной.

– Я не знаю, что вы будете делать с той информацией, что я на вас обрушила, – нарушила неловкую тишину принцесса. – Простите за это. Но я подумала, что вам стоит знать. Может, вы передадите мои слова вышестоящим лицам.

– Так и поступим, – ответил Индис.

– По крайней мере, я знаю, что господин Айред хотел бы... – Принцесса замялась и, чтобы скрыть это, протянула мне мою накидку. – Спасибо. До встречи, Териат. Индис.

Обратившись к моему другу, Ариадна присела в наигранном реверансе, что наконец заставило его хоть немного улыбнуться.

– Хорошей дороги, принцесса, – ответил он ей таким же театральным поклоном.

– До встречи, лисица.

Мое прощание едва ли достигло адресата – девушка уже скрылась из виду, напоминая о себе только удаляющимся стуком копыт, – но я не сумел произнести его раньше. Индис с тяжелым вздохом опустился на траву, и я тут же прилег рядом.

– Почему ты не сказал ей, что Айред – твой отец?

– А почему ты не твердишь каждому прохожему, что ты – сын азаани?

Индис понимающе кивнул головой.

– Вот и я о том же, – согласился я, устремив взгляд в без-

звездное небо. – У нас мало общего.

Глава 4

Мы с Индисом решили разделиться. Азаани, несмотря на все выходки сына, беспрекословно доверяла ему, и поэтому именно он должен был поведать ей обо всем, что нам рассказала принцесса. Если возникнет необходимость, меня вызовут, и я подтверждаю его слова. До тех пор я должен был, не подавая виду, заниматься своими делами и выполнять привычные обязанности.

Усидеть на месте оказалось сложнее, чем я предполагал, однако вскоре, к счастью, наступило время охоты.

Наш отряд состоял из семи эльфов и оставался неизмен-

ным на протяжении последних двух десятков лет. Охотой занимались лишь молодые эльфы, даже юные – не старше ста пятидесяти, – физические способности которых находились на пике: наши реакции молниеносны, зрение остро, слух превосходен, а руки отправляют стрелы в воздух быстрее, чем животное успевает набраться сил для спасительного рывка. Для добычи годился любой зверь – лично я предпочитал кабанов, – и лишь олени могли жить в Арруме без страха.

Эльфы считали их священными, и потому численность этого вида день ото дня лишь возрастала. Тело и разум рожденного в наших землях оленя чрезвычайно развиты: любой из них вдвое или втрое больше обычного, а взгляд их осмысленнее, чем у самого умного скакуна. Есть среди них и кое-кто особенный – мы зовем его Эвлон, что на древнеэльфийском значит «правителей оленей», – и он находится в тесной связи с азаани. Ориентируясь на людские обычаи и называя ее королевой эльфов, Эвлону присвоили титул короля Аррума, однако чаще мы звали его иначе – Духом Леса. Придя к Дворцу Жизни, Эвлону можно нередко застать там, величественно лежащим на траве. От Духа Леса всегда исходило легкое свечение, словно прямо за ним находилось его личное солнце, а благоговение, кое любой ощущал в его присутствии, – одно из самых сильных чувств, что кто-либо может испытать. Правители леса не существовали друг без друга: божественная связь пустила корни глубоко в их сердца и не

позволяла разлучаться надолго. Между ними существовало то, о чем так мечтают друзья и любовники, – связь, которую больше никому не суждено познать.

В тот день я забрался в малознакомую часть леса. Смена места для охоты усилила и без того заметную тревогу, но спорить при разделении территорий я не стал – смена позиций являлась неизбежным шагом на пути к отточенному навыку. Я заметил на небольшой полянке место с примятой травой; какой-то зверь обосновался в тени раскидистых кустов и, судя по цвету травы, сделал это давно, время от времени возвращаясь к полюбившемуся месту отдыха. Затаившись в густых зарослях, я принялся ждать. Мой любимый момент. Я – весь внимание, и жизнь леса словно входит в мой разум, как в открытые двери. Чарующее пение птиц. Шелест листьев; осень уже постепенно вступала в свои права, а потому звук этот менялся день ото дня. Ветер, складывающий свои порывы в причудливые звуки.

– Аарон, – вновь послышалось мне.

Я бы подумал, что это было далеко зашедшей шуткой Индиса, что он намеревался свести меня с ума – в это несложно было поверить, – но звук как бы пролетел мимо, случайно коснувшись моего слуха, словно был лишь дуновением ветра. Меня окружала лишь тихая идиллия осеннего леса. И кое-кто еще.

Огромный вепрь с темно-коричневой шерстью медленно вышагивал к излюбленному месту. Встретив по дороге куст с

годами, он, похрюкивая, наклонился к плодам и стал усердно вылавливать их из густой листвы. Из рта, устремляясь в небо, торчали два огромных клыка. Самец.

Я аккуратно снял лук, чудом сумев не издать ни малейшего звука, вытащил из колчана стрелу и нацелил на животное. Легкая добыча: находившаяся неподалеку цель практически не двигалась, но странное ощущение в груди не позволяло сделать выстрел. В глазах помутнело. Пальцы ослабли. В ушах нарастал неприятный звон; сначала он был похож на назойливого комара, затем перерос в рой пчел, а после – в оглушительный вой. Боль была столь сильна, что перетянула на себя все внимание. Рука соскользнула с тетивы, и стрела вылетела из рук, неловко приземлившись прямо у облюбованного кабаном куста. Он тут же обернулся на источник звука.

Я смутно понимал, что происходит. Отбросив лук, я попытался закрыть уши ладонями, надеясь, что это хоть как-то поможет, но это лишь отрезало от меня часть внешнего мира, и звон заполнил все мое сознание. Кабан топтался на месте, словно разгоняя в крови нарастающую ярость, и, взревев, кинулся в мою сторону. Разум кричал, что пора бежать, но ноги не слушались, словно вросли в землю. Вепрь стремительно приближался, но в паре метров от меня вдруг пронзительно взвизгнул и повалился на бок. Звон резко закончился. Я встал на колени и выглянул из-за куста, служившего мне укрытием; беспомощное животное сотрясало в кон-

вульсиях, и стрела в брюхе вторила его движениям.

– «Спасибо» не скажешь? – послышался голос Аэгтира.

Удивительно высокий и худой для представителя нашего народа, он не был рожден для охоты – уж слишком угловат и неповоротлив, – но победил предрассудки упорным трудом и природным талантом. Аэгтир показался между деревьев, и я изумился, с какого огромного расстояния он разглядел нависшую надо мной опасность.

– Спасибо, – растерянно ответил я, поднимаясь на ноги. Слух не уловил ни призвука недавнего безумия.

Напарник подошел и, сощурившись, оглядел меня.

– Что с тобой? – обеспокоенно спросил он, кладя руку мне на плечо. – С каких пор ты так неаккуратен? Он мог разорвать тебя на части!

– Не имею понятия, – прошептал я, запуская руку в волосы.

По какой-то причине я всегда совершал этот жест в попытках что-либо осмыслить.

Глава 5

Тишина и неизвестность пожирали меня. Беспокойство, озвученное азаани на недавнем собрании, растворилось в воздухе, будто ничего и не произошло. Маэрэльд не отдавала приказов. Индис признался, что передача информации матери – пожалуй, все, на что он был способен в данной ситуации. Об Ариадне я больше ничего не слышал. Меня мучила мысль, что ее поступок повлек за собой страшные последствия и король не пощадил дочь, позабыв обо всей любви, что когда-либо к ней испытывал.

То, насколько меня тревожило ее отсутствие, виделось мне не меньшей проблемой. Я встречал принцессу трижды:

в первый раз она пригрозила мне смертью, во второй – в беспамятстве прыгнула в мои объятия, наутро оказавшись принцессой, а в третий – раскрыла двум малознакомым эльфам тайные планы королевской семьи. Стоило ли доверять такой особе? Разумеется, нет. Я прозвал ее лисицей лишь из-за случая в лесу, но сходств с каждой встречей находилось лишь больше. И все же я знал, что она ни разу не солгала; излишняя эмоциональность не способствует успешному сокрытию истинных замыслов. Мне подумалось, что цвет ее глаз символичен: она металась между верностью Грее и ее сероглазому королю, и все же пришла к тем, чья радужка ярче самой пышной летней зелени, чтобы защитить отца от необдуманных поступков.

Впрочем, наши глаза темнеют со временем. Жизнь эльфа растягивается на десять людских, и на всем ее протяжении от зрачка медленно расползается карий цвет. Полагаю, так деревья видят птицы с высоты своего полета: в расцвете сил густая крона пестрит зеленью, а к концу жизни листья постепенно опадают, обнажая иссыхающий коричневый ствол. Правило обходит только избранных, занимающих пост аза-ани. Никто, кроме Богини, не волен знать, когда правителю придет пора смениться, а потому продолжительность жизни нынешнего также покрыта тайной; лишь после того, как природа обозначает следующего избранника, карий цвет пускает свои корни.

Очнувшись от размышлений о судьбе принцессы, я об-

наружил, что брожу у границы, откуда виднелись вершины всех четырех башен Грей. Южной башне дали имя Солнца, северную прозвали в честь Луны, западной досталось звание Закатной. Однако лишь одна из них – башня Восхода – словно притягивала меня, снова и снова подводя поближе к тракту и призывая путеводные огни факелов на зубчатой вершине не дать мне сбиться с пути. Несколько раз я останавливал себя, сопротивляясь странному желанию, но так и не сумел его побороть.

Только на полпути я додумался проверить наличие лука и стрел за спиной, а затем, когда потянулся к ним, вспомнил и про капюшон. Как оказалось позже, переживать не стоило: на стене у восточной башни не оказалось ни единого стражника, а дверь, находящаяся в основании сооружения и замаскированная под часть стены, была даже слегка приоткрыта. Справа от нее висела деревянная табличка, надпись на которой, к сожалению, я прочесть не сумел.

Ощувив несвойственный мне прилив смелости, я вошел в башню. Крутая винтовая лестница вела на самый верх, лишая возможности свернуть или укрыться где-либо на случай, если навстречу будет спускаться стражник. В середине пути мне показалось, что я услышал приближающиеся шаги; инстинктивно вжавшись в холодную каменную стену, я получил в затылок осуждающий за глупость удар от древка лука. Наклонив голову, я униженно потер пострадавшее место, и мой взгляд привлекло яркое пятно на одной из бесчисленных

ступеней.

Красная нить.

Подняв ее, понял, что мои губы невольно расплылись в улыбке. Проникнув в башню, я не думал, что так легко отыщу лисицу; признаться честно, сомневаюсь, думал ли вообще. Надеюсь, что нить означала ее присутствие в башне, я ускорил шаг, перепрыгивая ступени на пути к вершине. Ночная тишина не давала мне никаких надежд, но возникший в воздухе теплый аромат костра все исправил.

– Ты обронила, – произнес я.

Мой голос был тихим, но пронзительным всплеском прорезал тишину.

Ариадна вздрогнула и, схватившись левой рукой за кинжал, резко повернулась. В окне за ее спиной зияло ночное небо. При виде меня испуг в глазах принцессы смешался с изумлением, и она покачнулась, потеряв равновесие. Пламя факела дрогнуло. Тело среагировало быстрее разума – что в последние дни случалось чересчур часто, – и спустя мгновение моя рука уже лежала на ее талии, неприлично крепко удерживая ошарашенную девушку.

Мы замерли.

Когда я коснулся ее бархатного платья, обнажавшего загорелые плечи, с ее губ сорвался громкий выдох. Я не знал, как скоро стоило ее отпустить; возможно, я и вовсе не желал этого делать. Странное чувство теплом расходилось по телу. Румянец на ее щеках пылал, особенно яркий в приглушен-

ном свете факелов, хоть, возможно, и был частью макияжа, положенного ей по статусу. Вена на шее пульсировала, словно ползающая под кожей змея, но учащенное дыхание она усиленно сдерживала, вероятно, не желая выдать волнение. Ариадна протянула руку к моему лицу, и я, решив, что мне предстояло получить пощечину за оскорбительное поведение по отношению к особе королевских кровей, поспешно убрал руку за спину и отошел на два шага.

– Териат, – прошептала она, казалось, в еще большем замешательстве.

– Я переживал, – признался я, нащупав баланс между шепотом и оглушительным эхом. – Почему-то мне казалось, что нам стоит ждать тебя в Арруме, но ты так и не появилась.

Ариадна коротко улыбнулась и, подняв нить, что я оборвал в попытке поймать принцессу, подвязала ей волосы.

– А мне казалось, что вам нужно время, чтобы все обсудить, и мое присутствие будет лишним.

Я коротко кивнул. Разумеется, она была права. Хотя прошедшие дни и не ознаменовались какими бы то ни было решениями, никто не знал, что обсуждается на собраниях Двадцати.

Ариадна же уже отошла от смущения и заняла позицию обороны: расправленные плечи, прямая спина, чуть вздернутый подбородок. С собранными волосами ее лицо казалось строже, черты – более резкими, фигура в платье – более женственной. Образ мальчишки-задиры, которого она придер-

живалась в свободное время, совершенно не вязался с тем, как она выглядела в пределах замка. Впрочем, что-то внутри подсказывало мне, что это была лишь маска и дорогие ткани для нее – не более чем театральный занавес, служащий декорацией для мастерски исполненного представления.

– Что написано на табличке у входа?

Я задал вопрос, чтобы прервать нависшую тишину, давившую на плечи нестерпимым грузом; мой интерес был совершенно серьезным, но принцессу он заметно позабавил. Она не выходила из роли, наигранно прикрывая рот ладонью, что весьма забавно контрастировало с хрюкающей от смеха Мией после состязания в трактире. Заметив серьезное выражение моего лица, она изменилась в лице.

– Ты... ты серьезно?

– Более чем.

– Разве эльфы – не древняя раса, превосходящая людей в развитии, и бла-бла-бла?

Узнаю лисицу.

– Мы говорим на вашем языке... – прислоняясь к стене и складывая руки на груди, объяснил я, – ...как ты могла заметить. Но письменность, за редким исключением, не изучаем. Нет нужды.

Ариадна, посчитав аргумент разумным, пожала плечами и не глядя запрыгнула на подоконник; сердце на секунду замерло. Неустойчивое положение принцессы заставляло кровь разгоняться и огненными потоками проходить через

вены, чтобы в любой момент суметь среагировать.

– Я могу научить тебя, – заявила она.

– Боюсь, я не могу позволить себе такого учителя. Разве что Ваше Высочество не принимает оплату листочками да травинками в довесок к монетам.

Ариадна смягчилась, но обращение ее не порадовало.

– Прошу, не называй меня так. Как хочешь, но только не «Ваше Высочество». При первой встрече я не просто так...

– Хорошо, лисица, – перебил я ее.

Будь мы в замке, эта выходка могла бы стоить мне головы. Однако принцесса, судя по реакции, приняла это как комплимент; ей не хватало неформального общения. Прозвище ей, казалось, тоже пришлось по нраву.

– Можем встречаться дважды в неделю. Или трижды, – деловитым тоном предложила Ариадна, заходяв кругами по комнате, словно планируя не уроки письменности, а военное наступление. – После заката здесь, в башне. Тут редко кто-то дежурит, поэтому всегда смотри в это окно. – Она указала на место, откуда чуть не выпала несколько минут назад, а затем перевела взгляд на факел на стене напротив. – Если путь будет чист, я буду зажигать огонь. Если нет – значит, я не сумела выбраться из лап придворных или прогнать стражу.

Я кивнул, подтверждая, что запомнил условия. Не представляя, как будут проходить наши занятия, а также ради чего мне вообще учить людскую письменность – уж точно не ради таблички на входе в башню, – я не придумал ничего

лучше, как спросить:

– Что, хочешь проводить вместе больше времени?

– Похоже, однажды пересекшись, наши пути теперь переплетены. А я не люблю неграмотных, – с наигранным презрением бросила она, и мы обе рассмеялись.

Полагать, что три вечера в неделю принцесса будет посвящать мне, было самонадеянно и глупо. Список мешающих тому причин пополнялся ежедневно. Во-первых, король усилил охрану в замке, разбавив отряды гвардейцев множеством южных воинов. Во-вторых, зачастую Ариадна проводила время иначе. Каждый раз, когда в рассказе о ее дне я слышал имя принца Куориана, меня пробирала дрожь. Она едва ли хорошо отзывалась о нем; чаще рядом с его именем стояли прилагательные вроде «заносчивый», «высокомерный» и «наглый», но он, напротив, проявлял к ней недюжинный интерес. Его общество навязывалось лисице при любом удобном случае, и, если нам доводилось видеться после ужинов в его компании, Ариадна всегда приходила измученной, словно после выматывающей тренировки по рукопашному бою. В такие вечера мы мало что изучали; я лишь повторял пройденное, а она молча устремляла взгляд в пустоту и изредка тяжело вздыхала.

Незнакомое чувство прожигало дыру в моем сердце. Ненависть? Никогда не думал, что приду к такому – ненавидеть человека, встреча с которым ограничилась лишь одним невзаимным взглядом. Он не сделал мне и моему народу ни-

чего плохого. Все, что меня в нем не устраивало, – его внимание к своенравной принцессе и то, что оно не доставляет ей удовольствия. Лишь навевает скуку.

Ревность? Глупости. Эльфы не славятся бурной личной жизнью, потому как разумны. Ревность являет собой страх потерять того, кем ты обладаешь. Но разве можно считать кого-то своей собственностью, не противореча здравому смыслу? Разумеется, нет. Является ли Ариадна моей собственностью? Даже думать о таком не следует.

Впрочем, после отъезда объединенного войска Греи и Ку-ориана на восток настроение принцессы пришло в норму, и кипящая во мне неприязнь поутихла. Улыбка все чаще озаряла ее лицо, пышные платья сменились на более привычные рубашку и брюки, а по ночам, если занятие затягивалось или начиналось позднее обычного, она часто обсуждала со мной увиденные на небесном полотне светила.

– А что означает это созвездие? – с восхищением спросила Ариадна.

Обучение людской письменности шло медленно. Лисица была слишком неусидчива и любопытна, чтобы быть учителем, а потому зачастую мы проводили вечера за светскими беседами об обычаях и легендах наших народов. Особенно ее интересовали предания о звездах. «Столь далекие и недостижимые, но все же тонко чувствующие и откликающиеся», – так она описала их, когда увидела мерцание одной из звезд, словно заметившей ее терзания и давшей понять, что

чувствует то же самое.

– Мы зовем его Маэт, – пояснил я, когда, наконец, разобрался, куда именно направлен взгляд принцессы. – Бой, иначе говоря. Видишь, друг напротив друга, по три звезды с обеих сторон, словно два, хоть и небольших, но войска? – Я потянулся к ее руке, чтобы указать на их расположение, но вовремя остановился. Никаких касаний – только слова. – А между ними – куча маленьких-маленьких звезд. Они всегда слегка мерцают, будто стрелы, что воины пускают друг в друга. Есть поверье, что, когда мерцание прекратится, наши земли больше никогда не познают горечи войны.

– Сомневаюсь, что это возможно, – разочарованно пробормотала она, опуская глаза.

После первой встречи в башне я больше ни разу к ней не прикасался. Не знал, каким было чувство, охватившее ее существо и забравшее возможность дышать, – будоражащим или тревожащим, – но случившееся было еще слишком свежо в моей памяти, чтобы я решился вновь заставить принцессу ощутить подобное. Желание дотронуться накатывало вновь и вновь, пытаясь выплеснуться, как вино из кубка на самом богатом из пиров, но я четко осознавал, что между нами – огромная пропасть, хоть мы и старались ее не замечать. Заглядываться на еле видные морщинки в уголках глаз, когда она смеется, на одинокую ямочку на правой щеке, слушать, как она препирается со стражниками за дверьми башни, уверяя, что не нуждается в помощи, – пожалуй, доволь-

ствоваться этим было не так уж плохо.

Я предпочитал, чтобы о моих походах в Грею знало как можно меньше и людей, и эльфов, а потому Индис дежурил на западном выходе из леса в разы чаще, чем прежде. Его упорство и самоотверженность восторгала прочих часовых, и однажды вкусив искреннюю похвалу, он больше не мог отказать мне в услуге. Взамен он требовал лишь одного: развернутых ответов на все его – крайне многочисленные – вопросы. Впрочем, вскоре область его интересов сузилась до двух, касавшихся буйствующих в моей душе чувств. Бэтиэль, периодически ожидавшая моего возвращения в компании друга, презрительно фыркала, стоило Индису завести разговор.

– И что вы находите в этих людях? Живут, как букашки, жадные, глупые...

– Сколько трудов из библиотеки ты прочитала на этой неделе, свет жизни моей? – в том же тоне ответил ей Индис.

Оскорбленная эльфийка кинула в него первую же ветку, до которой смогла дотянуться.

Осень постепенно вступала в свои права. Бездумно прогуливаясь по извилистым тропам, я набрел на усыпанную ромашками поляну. Так долго они цвели лишь в этом месте; порой их можно было увидеть даже выглядывающими из-под толщи снега. Я часто приходил туда с отцом, когда перед отъездом в замок тот собирал букет для очередной знатной дамы. Впрочем, возможно, он делал это лишь для одной из

них.

Поддавшись мимолетному порыву, я принялся выбирать цветы для венка. Чтобы развлечь меня и скоротать время, отец всегда напевал что-то незамысловатое, и я неосознанно принялся мурлыкать случайную мелодию себе под нос. Музыка всегда завораживала меня, а процесс ее создания и вовсе казался мне чем-то невероятным, подвластным разве что самым талантливым из живущих. Однако все попытки научиться петь – и уж тем более играть на инструментах – оборачивались крахом, из-за чего пел я редко, стараясь избегать наличия зрителей.

Плетение венков, как оказалось, тоже требовало определенного опыта, но я точно знал, у кого его было в избытке. Сестер ничуть не расстроило, что предназначенные им украшения пришлось плести собственноручно; они самоотверженно учили меня создавать прекрасное – разве что Талани сообщила, что у меня «неповоротливые пальцы», и вложила во вздох всю тяжесть нелегкой девичьей жизни, когда я не сумел завязать стебли в последний узелок. Шаэль и Файлин не разделяли негодования сестры и, водрузив на голову венки, полдня хвастались, что братец сам соорудил для них подарки.

Вечером того дня я собирался навеститься в башню за новой порцией светских бесед и, возможно, парой букв из людского алфавита. Однако, увидев у поста Индиса гонца-полукровку, тут же почувствовал неладное. Богиня одаряла магией не

всех, и потому не каждое дитя смешанной крови становилось друидом, как мой отец или мать Бэт; таким полукровкам оставалось лишь выбрать народ, с которым им хотелось бы провести свою жизнь. Некоторые, как Эландор, жили среди людей, но сердцем оставались верны лесу. Я видел его лишь несколько раз, и прежде он редко приносил дурные вести. Но, судя по раскрасневшемуся лицу и стекающей по лбу гонца капле пота, сообщение было срочным.

– Войска вернулись с востока, – крикнул полукровка, уже запрыгивая на лошадь. Он повторил это для меня, ведь не стал бы уезжать, подробно не отчитавшись перед постовым. – Я вернусь, как только станет известно что-то еще.

Индис хлопнул лошадь по крупу, и та, заржав, ринулась на тракт, в то время как наездник отчаянно пытался не слететь с ее спины. Эльф повернулся ко мне, и я отметил, что впервые видел его лицо таким: серым, осунувшимся, с напряженными до скрипа челюстями, отчего скулы его делались острыми, как клинок. Он поднял на меня глаза, и плещущая в них тревога тут же захлестнула и меня.

– Они вернулись, – повторил Индис, скорбно оглядываясь на силуэт Греи. – Зашли в город через западные ворота, чтобы не попасться нам на глаза. Амаунет пал. Перебили всех.

Войску понадобилось поразительно мало времени, чтобы не просто добраться до восточного государства, но и одолеть его. Король Аббад славился тем, что был для своего народа почти божеством; его почитали, беспрекословно выполняя

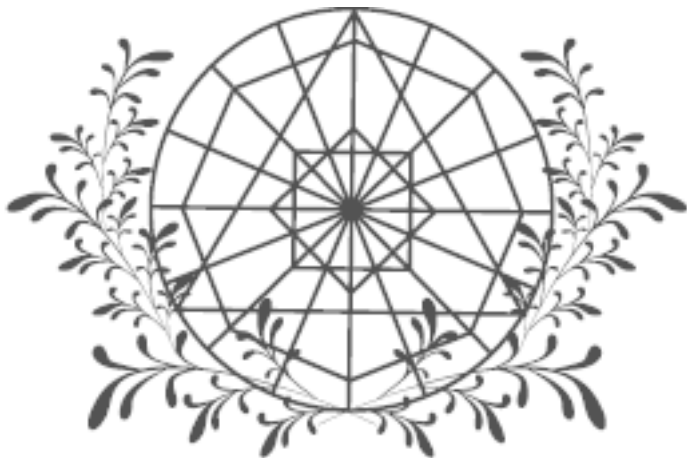
приказы. Мне не верилось, что его подданные могли так легко сдать крепость чужакам.

– О, ты еще не слышал про трофеи, – горько усмехнулся Индис, заметив страх и непонимание на моем лице. – Островной принц казнил всю королевскую семью и вернулся в Грею с их головами на седле. Дикарь.

Все мое существо содрогнулось. Король Амаунета был на редкость плодовитым мужчиной – впрочем, как я слышал, на востоке это было в порядке вещей, – и количество его детей исчислялось десятками. Островитяне не внушали мне доверия, но я сомневался, что их принц настолько бесчеловечен.

Отвечая на немой вопрос в моих глазах, Индис добавил:
– Да. Всех детей – тоже.

Глава 6

Как только наступило утро, я, игнорируя просьбы и предупреждения Индиса, отправился напрямиком к азаани. Мне было плевать, как с ней говорить – как с главой народа или как с матерью близкого друга, как со старшим товарищем или как с равной себе, – я чувствовал, что должен был рассказать ей все, что знал, и как можно быстрее. Я хотел защитить свой народ.

Азаани сидела на плетеном троне в главном зале Дворца Жизни. Хоть горные эльфы и даровали лесному народу камень, природа все равно внесла свои коррективы в архитектуру здания. Стены и пол зала – как и многих дру-

гих комнат – были покрыты вечнозелеными травой, мхом и плющом; они питали строение силой и сами подпитывались его неизменностью и непоколебимостью. Гармония, которой могли бы достигнуть и эльфы, если бы пути братских народов не разошлись.

Эвлон, из раза в раз поражающий меня своими размерами, уткнулся носом в плечо Маэрэльд, божественным светом освещая ее лицо. Она медленно гладила оленя по голове, что-то ласково шепча. Сначала ухо священного животного нетерпеливо дергалось, намекая королеве на нежелание слушать, но затем Эвлон и вовсе затряс головой, будто выгоняя из нее все, что она только что ему поведала. Мне впервые доводилось видеть отсутствие у них единодушия. Поднявшись, олень одарил спутницу возмущенным взглядом, отошел на несколько метров и устроился на траве неподалеку от трона. Спокойный, устремивший взгляд вдаль, он был похож скорее на статую, окутанную неземным свечением, нежели на животное, и от этого его могущество изумляло лишь сильнее.

Обратив внимание на гостя, потребовавшего аудиенции в столь ранний час, Маэрэльд встала, сложила руки на животе и поприветствовала меня медленным кивком.

– Здравствуй, Териат, сын Айреда, – произнесла она тихо, не проявляя особенного интереса. – Чем я могу помочь тебе в это чудное утро?

– Жаль сообщать, моя королева, но солнечный свет не из-

бавляет нас от тени опасности, нависшей над лесом, — начал я серьезно, с каждым словом говоря все громче. Если мои слова услышит кто-то еще, азаани будет сложнее от них откеститься. — Я знаю, мы живем в мире с людьми, и я всегда ценил это. Однако вы помните, как наши братья и сестры из северных земель сообщали о тревожащих их нападениях?

Вопрос был риторическим, потому в ответ азаани лишь кивнула.

— В Грею прибыло войско с острова Куориан, но их целью оказались вовсе не гиблые земли Эдронема, — продолжил я, замечая, как глаза эльфийки сужаются, а подбородок поднимается, открывая напряженную шею. — Они были на востоке, в Амаунете, и вернулись оттуда не бойцами, а завоевателями. Семья короля Аббада убита, как стадо скота, жестоко и бездумно, и неизвестно, сколько невинных полегло на пути войска к замку.

Маэрэльд медленно осмотрела меня, а затем оглянулась на Эвлону. Тот, в свою очередь, тут же отвернул морду, дав понять, что не собирается давать советов. Несколько разочарованная, эльфийка вновь повернулась ко мне, и на несколько мгновений дворец погрузился в звенящую тишину.

Я понимал, что едва ли первым сообщил об этом королеве, но, казалось, был единственным, кто попытался побудить ее к действиям.

— Ты предлагаешь нарушить мир с людьми? — резко спросила азаани.

– Нет, – закашлявшись от неожиданности, ответил я. – Напротив. Полагаю, они нуждаются в нас, как никогда. Король совершает безумства не просто так. Он правит Греей давно, и, оглядываясь на прошедшие годы, кажется, что подобное – не в его характере. Прежде он прислушивался к вам. Быть может, необходимо привести его в чувства, напомнить, что жестокость не приводит к добру – лишь к войне. Оскорбленные вернутся мстить, и...

– Ты не знаешь людей, – перебив меня, покачала головой Маэрэльд. Сойдя с пьедестала, она взяла мою ладонь и накрыла ее своей. Зеленый океан ее глаз накрыл с головой, волнами пытаясь потопить мои стремления, и я опустил взгляд, стараясь сфокусироваться на словах. – На месте Греи рождались и погибали королевства, еще чаще – сменялись короли. Ты несправедлив к Эвеарду. Уверяю тебя, люди обожают безумства. Он завоевывает чужие королевства сейчас, чтобы свергнутые короли затем пришли за его землями, и этот круг не прерывается тысячелетиями. Полагаю, их устраивает такое положение дел.

– Я уверен, что все не так однозначно, – продолжал твердить я. – У меня... есть знакомый в замке, и он считает, что старшая дочь короля с недавних пор сильно влияет на решения совета. Быть может, это как-то связано? Прошло не так много времени с тех пор, как вы сами собирали нас на поляне, и мы обсуждали, что...

– С тех пор многое изменилось. Стычка в Эдронеме бы-

ла проверкой на внимательность. Или же тренировкой перед походом на восток. Впрочем, все это более не имеет значения, ведь цель их известна и, более того, достигнута. Нашего народа она не касается, – равнодушно ответила азаани. – Больше ни один эльф не доносил мне о подозрительных действиях. Кроме тебя. Вероятно, твой источник не так надежен, как тебе кажется.

– Уверяю вас, он близок к королю, и...

– Ты не дипломат, Териат, – бросила Маэрэльд, и я наконец осмелился поднять взгляд. Ее лицо стало серьезным и жестким; от привычной материнской теплоты не осталось и следа. Ни сочувствия, ни злости, ни замешательства; лишь легкое раздражение оттого, что ей приходится разбираться с фантазиями юного дурачка. – Ты не твой отец. Не думаю, что лезть в дворцовые интриги – хорошая идея.

Сравнение с отцом, как и всегда, сыграло на самых тонких струнах моей души. Я прекрасно знал, что и в подметки ему не гоюсь, но то, что при этом он был эльфом лишь наполовину, делало параллель еще более уничижительной. В моем распоряжении была вечность, которую я мог наполнить чем угодно, ведь в мире обязательно существовало место и дело, уготованные именно мне. Однако по неизвестной мне причине каждый в лесу считал своим долгом указать на то, что планки отца мне никогда не достичь, а охотиться на кабанов и, видимо, однажды быть ими затоптанным – все, на что я мог рассчитывать.

Ярость обожгла все мое существо. Почему желание помочь не встречает на пути ничего, кроме пренебрежения матери народа? Да, порой матери произносят слова, которые ранят, желая оградить чадо от ошибок и трудностей, но впервые я чувствовал в себе силы воспротивиться навязчивой заботе.

Я попытался взглянуть на свою жизнь со стороны, и она неожиданно предстала передо мной гладким белым полотном. Сотня лет, а я не совершил ничего, о чем хотелось бы вспомнить. Люди же едва дотягивали до семидесяти, но история жизни любого пекаря или кузнеца была в сотни раз любопытнее моей, и осознание этого факта разжигало во мне огонь, способный превратить в пепелище все на своем пути.

– Тогда я сам разужнаю, в чем дело.

Все еще не успокоив внутренний пожар, я вытащил руку из капкана азаани и двинулся вглубь леса.

– Ты волен делать все, что хочешь, – бросила она вслед. – Но больше не смей мне указывать.

Глава 7

Тем же днем я, в составе небольшого организованного отряда, отправился на проходящий в Грее праздник осеннего равноденствия – он проводился каждый год, так же, как и его весенний вариант, и на ярмарках всегда были рады присутствию гостей из Аррума. Юные и любопытные эльфы, в свою очередь, никогда не упускали возможности посмотреть на мир за пределами леса. Да, посещать близлежащие королевства не было запрещено – несмотря на недавнее предостережение азаани, – и все же набраться смелости и объяснить желание побывать среди людей без видимой на то причины мог не каждый из нас. С тех пор, как люди стали от-

мечать праздники, что столетиями прививал им наш народ, такая причина возникла сама собой.

Торжество преображало город до неузнаваемости. Если раньше лишь рынок мог порадовать буйством красок и запахов, то теперь даже серые переулки пестрили и благоухали. Бесчисленные лавочки с украшениями из дерева и вырезанными на них рунами, подносы с сочными овощами и фруктами, мешочки с душистыми травами для приготовления пищи и аромата в доме, дорожки, усыпанные опавшими красными и золотыми листьями, – все это превращало обычно серый город в такой, о каком детям рассказывают в сказках.

Девушки, традиционно носящие в этот день венки из золотистых колосков, кокетливо хихикали, встречая нашу повозку по дороге к рынку. Как представители леса мы привезли на праздник его щедрые дары, а потому скрываться не было смысла; напротив, наше появление заметно порадовало жителей Грей. Отросшие до середины шеи волосы и их медный цвет помогли мне затеряться в толпе, но россыпь веснушек и стремящиеся к небу кончики ушей моих спутников не позволяли им скрыть свое происхождение. Детей в чужаках, разумеется, больше всего забавляли именно уши; они часто подбегали, застенчиво спрашивая разрешения их потрогать, и, лишь кончиком пальца коснувшись самой верхушки, дергались, словно дотрагивались до веретена, а затем убегали, заливисто смеясь. Их невинное любопытство всегда трогало мое сердце, но умиление быстро проходило, стоило

завидеть напряженные лица родителей.

Телега шла медленно, позволяя народу восторженно приветствовать нашу делегацию, а нам – вдоволь насмотреться на богатое праздничное убранство. Все лавки были украшены красной и желтой тканью, что завораживающе переливалась в свете солнца, и я решил, что она похожа на знаменитый амаунетский бархат – вероятно, им многое удалось забрать из обители почившего короля.

Проехав сквозь рынок и вдохнув пьянящий аромат всевозможных специй, мы остановились у подножия холма – двое стражников преградили нам путь. У них на груди висели амулеты с рунами, но не такими, как те, что продаются на улицах, – эти были сделаны куда более искусно и украшены множеством деталей. Вероятно, в столь светлый праздник королевской страже полагались особые украшения.

– Вам выделена лавка на рынке, – мягко сообщил один из стражников, указывая рукой за наши спины. По его загорелому, вероятно, после похода на восток лицу скользнула легкая улыбка. Второй гвардеец стоял неподвижно, подобно статуе. – В этом году решено не устраивать празднование в замке. Король и его семья предпочли провести день с народом.

Я обернулся, словно надеясь тут же отыскать представителей власти в толпе. Их серые мантии с золотистым узором заметно выделялись бы на фоне одеяний простого люда, конечно, только если они не преследовали цели с ним слиться.

Спрыгнув с повозки, я оглянулся на товарищей, и те отмахнулись, давая понять, что моя помощь им не требовалась. Вздвигнувшись, я проверил наличие мешочка с монетами на поясе, невольно задев еще и кинжал, и вошел в гущу празднующего народа.

Солнце начало спускаться с середины неба; у людей было еще примерно шесть часов, чтобы воздать ему свои дары.

С каждой улицы лилась музыка. Где-то воины играли на самодельных барабанах или и вовсе били по кастрюлям и бочкам, басом вторя примитивным мотивам. Где-то звучали струнные инструменты и лился сочный голос барда. Меня же привлек самый дальний угол рынка, за которым скрывался поворот к местному храму с садом и скромным фонтаном. Оттуда слышался удивительно гармоничный женский хор: голоса в нем присутствовали самые разные, но все они складывались в ласкающее слух звучание.

*Благослови нас, Природа, Мать урожая!
И мы восславим тебя, провожая!
Приготовим пирог, зажарим гуся,
Накормим яблоками, прося,
Чтобы зимой урожай не погиб,
Чтобы вкусны были свекла и гриб,
Чтобы Мать Природа не обижалась,
А жатва из года в год продолжалась!*

На душе чуть потеплело. Порой казалось, что люди совсем забывали о Богине – любое божество гибнет без любви почитателей, – однако каждые три месяца они восхваляли созданный ею мир, пусть и делали это лишь из-за отсутствия других поводов для веселья.

Как только песня подошла к концу, а исполнявших ее дам одарили громкими аплодисментами, самых младших участниц хора наградили нарядными венками. В их украшения вплели васильки; цветы, указывающие на путь жриц, что предстояло пройти юным греианкам. Спустя мгновение девочки исчезли в праздничном пейзаже, а старшие жрицы сложили руки на животе, смотря им вслед со снисходительной улыбкой.

Я продолжил исследовать город, напевая услышанную у храма песню, несмотря на множество прочих – она удивительным образом въелась в память. Из домов слышались смех и запахи свежееиспеченного хлеба и зажаренного мяса: женщины накрывали столы, чтобы провести теплый праздник вместе с семьей, уставшей после песен и плясок на улицах. Однако и улицы оказались не лишены аппетитных ароматов – лавки наполнились свежей и вкусной пищей, которую, уверен, не стыдно было бы подать и королю. Не удержавшись, я вытащил тяжелую монету из мешочка на поясе и отдал ее юной деве, продававшей свежий хлеб, взяв взамен одну большую, длинную буханку. Она подняла взгляд и едва успела открыть рот, вероятно, собираясь сказать, что целой

монеты ее товар не стоил, но я махнул рукой, отказываясь от сдачи, и быстро скрылся в толпе. Мои зубы врезались в хрустящую корочку, пропитанную ароматным маслом с чесноком и травами, и жадно впились во влажный мякиш – в нос тут же ударило облачко пара.

На секунду я потерял ощущение времени и пространства, а когда очнулся, перепугался при виде толкающейся толпы. Неожиданно все ринулись в одну сторону – к главной площади, и поток желающих занять место поближе к зрелищу едва не сбил меня с ног. Поддавшись всеобщему безумию, я позволил течению вести меня, куда бы то ни стремилось.

– Дорогие жители Греи! – раздался крик вдалеке. Голос низкий, величественный, но звучный и мягкий; я узнал в нем короля и ускорил шаг, чтобы добраться до площади чуть быстрее. – Солнце движется к горизонту, а, значит, скоро наступит время Танца Рогов!

Толпа довольно засвистела; кто-то рядом даже запрыгал от чрезмерного возбуждения. Мне впервые доводилось присутствовать при проведении этого ритуала; несмотря на то, что праздник проводился каждый год, я приехал на него лишь в четвертый раз, и в первый – остался так надолго.

Наконец добравшись до передней части площади, я увидел короля Эвеарда, возвышавшегося над подданными благодаря своему положению на холме. Он, как я и ожидал, не надел фамильной мантии; коричневая ткань его одеяния была подобна той, что носили горожане. Корону правителю

поднесли лишь во время речи.

– Для Танца необходимо двенадцать мужчин, – продолжил король. – Шестеро представителей двора уже готовы к ритуалу. Еще шестерых должны выбрать вы. Поднимите руки, кто желает участвовать!

Настоящее сумасшествие захлестнуло толпу, и я сделал несколько шагов к краю площади, чтобы меня не затоптали. Помощники короля – два стражника, что остановили нашу телегу несколько часов назад, – спустились к народу. Их выбор, казалось, основывался не на желании горожан, а на их возрасте и физической подготовке. Один из них, тот, что не был воодушевлен приездом эльфов, схватил меня за локоть – вероятно, со спины мое телосложение показалось ему приемлемым, – но стоило обернуться, как он мгновенно ослабил хватку, а на лице отразилось нескрываемое пренебрежение. Когда набралось необходимое количество участников, их увели в замок, чтобы переодеть, а король приказал разжечь костер в центре площади и пообещал начать представление ровно через час.

С самого начала речи я ловил себя на том, что внимательно рассматривал замок за спиной короля. Следил за движением скрипучих доспехов и улавливал шуршание платьев во всех открытых дверях и незашторенных окнах, но так и не увидел ни одного смоляного локона.

Островитяне, особенно многочисленные в окрестностях дворца, расхаживали в местной броне и символике, и это вы-

зывало ошутимое беспокойство.

Когда от солнца на горизонте остался лишь красно-оранжевый отблеск, а половина неба стала иссиня-черной, весь город стянулся к площади в ожидании зрелища. Огромный костер был готов к празднеству; языки его пламени едва не доставали до небосвода, в и без того теплый осенний вечер обдавая жаром несколько первых рядов зевак.

Когда толпу сотрясла новая волна свиста, я понял, что герои вечера появились в поле зрения, и обернулся к холму. Как и сказал король, это были двенадцать мужчин. Шестерым из них на плечи надели оленьи шкуры, а к головам прицепили рога, и от увиденного я невольно содрогнулся. К счастью, они повидали множество подобных танцев; около тридцати лет назад Грея подписала официальную договоренность, согласно которой обязывалась прекратить охоту на оленей. Хоть негласный запрет существовал и раньше, переговоры все равно оказались долгими и мучительными – Эвеард выдвигал немыслимые требования. В итоге Маэрэльд пришлось отдать людям еще одну часть Аррума под вырубку и земледелие, но и это было малой ценой за то, чтобы более не терпеть истребление священных животных.

Следом вышли мужчины в костюмах шута и музыканта, один – переодетый в девушку с преувеличенно румяными щеками и накрашенными губами, еще двое – в костюмах лучников и последний – в королевских доспехах. Добравшись до самой высокой точки перед спуском к толпе, всад-

ник театрально наклонился, снял шлем и выпрямился.

– Это же принц! – слышалось в толпе.

– Принц Хант!

– Принц из Куориана!

Я неосознанно стиснул зубы. Не слишком ли много почестей для чужеземца? Бронзовая кожа принца светилась на солнце так же, как и лоснящиеся черные волосы, которые он без конца поправлял свободной от шлема рукой. Ханто дарил зрителей самодовольной улыбкой, и девушки в ближайших к нему рядах восторженно вздохнули, чем, несомненно, еще больше потешили его раздутое самолюбие. Получив свою порцию восхищений, принц вернул шлем туда, где ему и место, и я облегченно выдохнул, обрадовавшись возможности быть избавленным от его лица еще на какое-то время.

Пока все участники ритуала спускались к костру, зрители отошли на несколько шагов, освобождая место для импровизированной сцены. Суть ритуала проста: это – театральное представление, имитирующее охоту на оленей. Музыкант, что логично, создавал звуковое сопровождение, а потому, чтобы не испортить представление некачественным исполнением, его роль всегда отводилась лучшему королевскому барду. И это действительно было великолепно. По ходу того, как охотники приближались, а противостояние набирало обороты, музыка усиливалась, становилась более резкой и хлесткой, словно струны рвались под каждым движением пальцев, а звуки отскакивали от стен пустого каменного зала,

а не отправлялись в открытое небо над заполненной площадью. Шут, в свою очередь, комментировал все происходящее на «сцене» в своей особенной манере – не слишком вульгарной, но не без доли юмора, чтобы королевская семья могла не скрывать неловкие смешки, пока толпа гогочет до изнеможения. Дева же, стараясь не слишком перетягивать внимание на себя, ходила вдоль зрителей с большой корзиной в руках, принимая дары от имени Матери Природы. Подношения были самыми разными: фрукты, овощи, сухоцветы, пироги, мясо. Кто-то из глубины толпы непочтительно бросал в корзину камни и прочие твердые предметы, иногда попадая в голову исполнителю роли. Лично я бросил в корзину несколько монет из искреннего сочувствия к мужчине, бывшему явно не в восторге от своего театрального дебюта.

Принц Куориана, одержав победу над оленями, поставил их на колени, «отрубил» им рога и поднял трофей в воздух, сообщая о своем триумфе. Триумфе человека над природой. Его жест вызвал во мне новую волну отвращения, но от смакования этого чувства меня отвлекло легкое касание в районе пояса. На мгновение я подумал, что какой-нибудь предприимчивый малец решил обокрасть эльфа-неумеху, срезав с пояса мешок с монетами, но, опустив глаза, я обнаружил, что мешок находился там, куда я его и повесил, и из него что-то торчало. Свернутый кусок бумаги. Он был оторван от большого листа наспех, что видно по неровному краю, а чернила растеклись, делая посланием сложным для прочте-

ния. Учитывая, что мои уроки по людской письменности начались лишь недавно, прочесть записку было еще сложнее.

«В...е...им... в ба...е».

От напряжения я по привычке сдвинул брови. Каким образом я должен был понять это? Что это вообще могло значить? Слишком мало букв я успел выучить, чтобы хотя бы попытаться это прочесть, и даже не имел представления, как писалось мое собственное имя.

– Благодарю вас, благородный народ Греи, за участие в празднике осеннего равноденствия! – произнес король в полнейшей тишине, и я заметил, что, отвлекшись, пропустил момент самого Танца, когда всадник вовлекает в действие других артистов и желающих подданных. – И так как этот праздник восхваляет Природу и ее женское начало, я хочу, чтобы вас также поздравила и прекрасная часть моей семьи.

Эвеард сделал три шага назад, а из-за его спины возникли три статных фигуры. Его жена, королева Ровена, шла посередине; ее оливковая кожа и миндалевидные глаза выдавали южные корни, а темные волосы тугой косой лежали на левом плече. Слева от нее гордо вышагивала высокая девушка – вероятно, одного роста с королем, хоть я и не имел возможности сравнить, – и ее пшеничные волосы в свете костра полыхали, как солнце. Лисица же, стоящая по правую руку от матери, была напряжена; грудь ее часто вздымалась, словно она вбежала на помост за секунду до выхода к народу.

Записка.

«Встретимся в башне».

Я, до того держащий записку в руках, торопливо засунул ее в карман. Сердце на мгновение сжалось; *она хотела меня видеть*. Я приходил к ней по первому зову, но никогда не решился спросить, так ли сильно она ждет нашей встречи. Думал, что вежливость не позволяла ей нарушить данное обещание. Она могла не просто отказаться заниматься со мной – нет, она имела право приказать никогда не поднимать на нее взгляда, и я бы беспрекословно повиновался. И все же она продолжала зажигать огонь в башне Восхода, а я продолжал откликаться на зов, на время отменяя тревожные мысли.

Сейчас же принцесса нарочно не смотрела в мою сторону. Корсет ее платья выглядел таким тугим, что на мгновение у меня сочувственно заныли ребра. Прямая юбка с небольшим шлейфом изящно оттеняла мягкую фигуру, а треугольный вырез на груди оголял россыпь родинок в области ключиц. Темно-зеленый цвет платья, подобный цвету хвои в разгар зимы, сливался с распущенными волосами, мелькая, лишь когда языки пламени освещали ее лицо.

– Мы желаем, чтобы ваши запасы пережили зиму. Говорят, она будет морозной, – нарушила тишину королева. Ее бархатистый голос прокатился по толпе, окутывая материнским теплом.

– Желаем, чтобы весна наступила как можно скорее, – продолжила Минерва, и ее голос оказался самым высоким и звонким среди всех. Я бы назвал его холодным, в противовес

тембру королевы, хотя лицо ее и озаряла невинная улыбка, не позволяющая усомниться в искренности слов.

– А лето принесло свои плоды, – лениво закончила Ариадна. Я тихо усмехнулся, не в силах наблюдать ее скучающее выражение лица; оно должно бы было оскорбить меня, но упорное безразличие младшей принцессы лишь позабавило.

Толпа не обратила внимания на безобидную выходку Ариадны и довольно зааплодировала, благодаря правителей за праздник. Принц Куориана, стоявший все это время у костра с шлемом в руке, поклонился королю, как только тот вновь вышел. Ариадна сопровождала отца; он подхватил ее под руку, утягивая за собой и показательно игнорируя скромные попытки сопротивляться.

– Принц Хант, – произнес король, и народ вновь заинтересованно затих. – Вы показали себя сильным воином и умным мужчиной как в вымышленном бою, – Эвеард указал на кострище и людей в оленьих шкурах, – так и в самом настоящем. Я бы хотел, чтобы такой человек был подле меня и впредь.

Напряжение стало таким ощутимым, будто воздух стал гуще или и вовсе закончился; казалось, я смогу вырваться, только если найду силы достать кинжал и взмахнуть им.

– Я предлагаю вам руку своей младшей дочери, Ариадны, – продолжил король после долгой паузы. – Но ее сердце вам придется завоевать самостоятельно.

– Я приложу к этому все усилия, – кивнув, ответил принц,

совершенно не удивленный судьбоносному предложению.

Вероятно, именно с этой целью он и прибыл в Грею; участие в походе на восток оказалось лишь удачным способом показать свои лучшие стороны перед будущим свекром. Однако если принц был в курсе планов короля, то принцесса, похоже, отказывалась в них верить. Ее глаза наполнил животный ужас, а тело оцепенело, и это было видно даже в слабом свете костра на расстоянии в сорок шагов; она крепко схватила руку отца, и тот на миг сощурился, будто ее ногти больно впились в его ладонь.

Народ взорвался ликованием. Союз с Куорианом – удачная идея для страны без выхода к морю и, следовательно, флота. Расширение торговых возможностей, разнообразие в еде, тканях, драгоценностях – список можно было бы продолжать до бесконечности. Однако сложно представить, что Грея могла предложить в ответ. Чем хотела отплатить островитянам? Чем собиралась снабжать их плодородные земли? Смещение королевских династий всегда представляло собой взаимовыгодный союз, а значит, если Грея не могла предложить нечто равноценное сразу, целью Куориана был возрастающий с каждым годом долг.

Горожане были взбудоражены радостной новостью, но все же слишком устали, чтобы задерживаться на площади допоздна, а потому принялись медленно разбредаться: кто-то отправился домой, кто-то – за пинтой эля, а кому-то предстояло еще несколько безрадостных часов, проведенных за

разбором ярмарочных лавок. Найдя эльфов, с которыми мы вместе прибыли на праздник, я обнаружил их готовыми к отбытию в Аррум и предупредил, что вернусь самостоятельно. Едва ли заинтересованные, они, не дослушав, дали добро.

Учитывая темное время суток и народ, что стекался от сердца города к окраинам, смешаться с толпой и добратся до восточной башни было несложно. Войти внутрь – уже сложнее: мимо нее то и дело проходили группы воинов, преимущественно состоящие из островитян. Впрочем, никто из них не поднимался на стену. Уловив закономерность, я перестал изображать скупающего пьяницу, нашедшего опору в ближайшем дереве, и проскользнул в приоткрытую дверь.

Я не знал, была ли принцесса на месте встречи, но в середине пути к вершине услышал быстрые шаги и раздраженные вздохи, и сомнения тотчас исчезли. Когда я вошел, Ариадна резко обернулась, будто дикое животное, готовое накинуться на жертву: покрасневшее лицо, широко раскрытые глаза, раздувшиеся ноздри и побелевшие от напряжения кулаки.

– Да чтоб они сгнили в Драконьей Пустоши! Ты это видел?! – закричала она, рукой указывая в сторону дворца.

Я лишь смущенно кивнул в ответ.

– Интересно, как давно я стала куклой, которую можно передарить другому ребенку, когда наигрался сам?!

В приступе гнева Ариадна изо всех сил ударила кулаком по каменной стене, и из ее губ вырвался наполовину рык, на-

половину стон. Обхватив разбитую ладонь другой рукой, она прислонилась к стене и медленно сползла по ней, опустившись на холодный каменный пол. Из глаз покатились слезы, но принцесса не всхлипывала, словно они лились против ее воли, нарушая негласный запрет.

Я, боясь спугнуть открывшуюся мне лисицу, присел рядом. Кровь с разбитых костяшек обильно капала на манжеты платья, и я оторвал от рубашки лоскут ткани, чтобы перевязать рану. Несколько секунд она сопротивлялась, не желая принимать помощь, но, верно оценив мою настойчивость, перестала. Не знал, стоило ли говорить хоть что-то, – по мнению Маэрэльд, мне не хватало ума, чтобы лезть в дворцовые интриги, – но и игнорировать откровенность Ариадны тоже казалось неправильным.

– Он сказал, что твое сердце островитянину придется завоевать самостоятельно, – напомнил я, намеренно назвав принца столь пренебрежительно. Принцесса мимолетно улыбнулась.

– Мою руку он уже отдал, и Хант ее принял, а это значит, что свадьба состоится, – охрипшим голосом ответила она. – Его успехи в завоевании моего расположения влияют лишь на то, как часто мы будем встречаться в спальне *после* нее.

– А что, если он передумает?

– Передумает? – сдвинув брови, переспросила Ариадна.

– Передумает на тебе жениться, – объяснил я. – Что, если ты будешь вести себя настолько несносно, что перспектива

встречаться с тобой не только в общей спальне, но даже в одном городе, станет казаться ему непосильной ношей?

– И как именно я должна себя вести?

– Ты же хитрая, лисица, – прошептал я, большим пальцем коснувшись ее правой щеки, чтобы смахнуть последние слезы. Ариадна подняла на меня пронзительный взгляд. – Ты придумашь, как стать занозой в любой заднице.

Мы оба сдавленно усмехнулись и чуть подались вперед, позволяя нашим лицам сблизиться.

– Людскую ругань ты осваиваешь лучше, чем письмо, – поддела принцесса.

– Могу научить тебя эльфийской, чтобы было честно.

Моя ладонь прижалась к влажной, горячей щеке, а лицо оказалось настолько близко, что пряди волос колыхались от ее дыхания. Я понимал: то, что я собираюсь сделать, идет вразрез со всем, во что я привык верить, вразрез с принципами, которым привык следовать, но невидимый импульс подталкивал меня, не обращая внимания на здравый смысл. Я чувствовал, как грудь недавно рассерженной принцессы взволнованно вздымалась, слышал ее взбунтовавшееся сердце, ощущал, как мою щеку щекочат ее ресницы. Едва дышал, пытаюсь побороть сомнения или же отказаться от задуманного, но когда ее губы разомкнулись и двинулись навстречу моим, все аргументы тут же затерялись где-то в неразберихе мыслей.

Я так жадно впился в них, словно ждал этого мгновения

вечность. Тело напряглось, чувства обострились. Два неловких, но требовательных движения губами, и сердце на мгновение замерло. Я подумал, что странное ощущение – плод моего воображения; я давно не испытывал подобного волнения. Однако когда губ словно коснулся горящий кнут, я резко отпрянул. В воздухе между нами мелькнула ломаная светло-голубая полоса. Губы Ариадны покраснели, и, приглядевшись, я заметил на них тонкую полосу ожога, а затем, дотронувшись пальцем до своей нижней губы, обнаружил там такую же.

– Что это было? – растерянно спросила принцесса.

– Прости, мне не стоило, это...

– Нет, нет, что *это* было? – уточнила она, прикасаясь к новообретенной ране.

– Я не знаю, – честно признался я.

– С тобой такое раньше случалось?

– Нет. А с тобой?

Я часто моргал, словно стараясь сорвать с глаз пелену, но ничего, разумеется, не поменялось. Подняв взгляд на Ариадну, я заметил, что румянец так и не сошел с ее щек. Она поднялась, отряхнула платье и принялась поправлять корсет, словно пытаясь устроиться в нем поудобнее.

– Никогда, – тихо ответила она. Я не услышал в голосе сожаления, но это, вопреки ожиданиям, ничуть не порадовало; прочих чувств в нем тоже не отразилось. – Останься тут еще на какое-то время, я выйду первой. Меня наверняка ищут.

Доброй ночи, Тери.

Не успел я ответить, как каблуки уже принялись отступивать затихающий с каждой ступенью ритм. Волнение отпустило мое существо, но то мгновенно заполнилось чем-то другим; чувством, которому я так и не смог дать названия. Я просидел в башне до рассвета, и лишь когда первые солнечные лучи коснулись кожи, вспомнил о возвращении в лес. Сонные стражники не заметили бы меня, даже если бы я выходил с гордо поднятой головой, крича о ночном поцелуе с принцессой, но я все же постарался не пренебрегать мерами предосторожности и тихо проскользнул мимо гвардейцев, скрываясь за еще пушистыми зелеными кустами. Пробираться сюда зимой будет сложнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.